

Виктор Коллингвуд

Б
Л
А
Т
О
С
Л
О
В
Е
Н
Н
Ы
Й

Книга 6

Виктор Коллингвуд

Благословенный. Книга 6

«Автор»

2026

Коллингвуд В.

Благословенный. Книга 6 / В. Коллингвуд — «Автор», 2026

Пришло время заходить с козырей. Изумленная Европа, до того едва замечавшая отдалённую северную страну, вдруг увидела русские штыки на Одере, караваны судов во всех океанах и русские товары в своих городах. России как будто бы вдруг стало слишком много, и совершенно непонятно, чего добивается и где остановится молодой русский царь. Отовсюду несутся толки: "Он сошёл с ума!" "Ему и целого мира мало!" "Это добром не кончится..." Да и пофиг.

© Коллингвуд В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Виктор Коллингвуд

Благословенный. Книга 6

Название: Благословенный. Книга 6

Автор(-ы): Виктор Коллингвуд

Ссылка: <https://author.today/work/403059>

Глава 1

Наступивший новый, 1800-й от Рождества Христова год сильно отличался от предыдущих, чему лично я был несказанно рад. Все последние годы под новогодние праздники вечно происходило что-то экстраординарное: чего стоила одна только случившаяся в прошлом году попытка свержения императора! Но этот, первый год нового века, Санкт-Петербург встречал совсем в ином, небывалом ранее настроении.

Громкая (да что там скромничать — просто оглушительная!) победа над Пруссией выделялась значением и размахом даже на фоне грандиозных свершений екатерининских времён. Ларга, Кагул, Измаил — это всё, конечно, здорово, но надо признать: такие противники как турки, всё-таки несравнимы с первоклассным европейским противником. Победа над Персией была, конечно, отмечена петербургским светом; в салонах вовсю толковали о взятии Тегерана, о сказочных сокровищах из шахских дворцов и гигантской контрибуции, полученной в результате этого похода. Однако, с другой стороны — а когда русские терпели от персов поражение? Все давно привыкли, что эти гордые сыны Востока — всего лишь дикие азиаты, не имеющие шансов в бою против европейского типа армии.

А вот пруссаки — это совсем иное.

Со времён Фридриха Великого авторитет прусской армии стоял на чрезвычайно большой высоте. В Семилетней войне они нанесли тяжелейшие поражения и австрийцам, и французам; да и русской армии с ними тоже пришлось нелегко. Благодаря мощи вооружённых сил небольшая и небогатая Пруссия стояла в одном ряду с такими монстрами, как Австрия и Франция, доминируя в центральной Европе. Прусская армия безусловно считалась великолепным боевым механизмом, поэтому тот разгром, что устроили ей Суворов, Костюшко и Бонапарт, оказался для Европы настоящим шоком. И ладно бы, речь шла об одном-двух поражениях в полевом сражении! Такое не раз случалось и с самим Фридрихом Великим: но каждый раз этот великий король поднимался после поражения, и вскоре был готов встретить врага со своей армией. Да, его полки были набраны на английские деньги — но какое, в сущности, это имеет значение? Важен результат!

Но нет, в этот раз всё было по-другому. Сегодня речь шла о грандиозном падении самой прусской государственности: вся территория страны была полностью занята русскими и польскими войсками, королевская семья бежала в Ганновер, а многочисленные прусские крепости сдались победителю, не оказав сколько-нибудь внятного сопротивления. Вышколенный прусский чиновничий аппарат теперь служил оккупационной администрации, а десятки тысяч прусских солдат сложили оружие и находились теперь в специальных лагерях; всё их вооружение и снаряжение досталось победителю. Всё это было так восхитительно, так непривычно, что в модных петербургских салонах царила триумфальная атмосфера и обсуждались самые невероятные предположения.

И салон княгини Голицыной не был исключением.

Перед самыми новогодними празднествами княжеская чета совершила почти невозможное: благодаря связям в дворцовом ведомстве Голицыны смогли провести себе в особняк на Малой Морской электрические провода, запитанные от генератора, вращавшегося паровой машиной в Адмиралтействе. Михаил Михайлович и Анна Александровна заранее предвкушали изумление своих гостей, встретивших в частном доме модное электрическое освещение, до сих пор встречавшееся публике лишь на праздниках в Зимнем дворце. Но, увы, супругов ожидало самое жестокое разочарование: едва взглянув на раскалённые дуговые лампы, яростно бросающие ослепительные снопы света на рефлекторы, спешно закреплённые под потолком княжеской залы, визитёры, все, как один, бросались обсуждать текущие политические события.

— Вы слышали? Королевская династия Гогенцоллернов низложена! — с круглыми от изумления глазами возмущался князь Шаховской. — Это неслыханно, невероятно! Наш император в данном случае поступает точно также, как и безбожные французские якобинцы!

— Более того! По последним сведениям, император собирается совершенно уничтожить эту державу, разьединив Пруссию на части и создав вместо королевства несколько княжеств! — подтвердил статский советник Штейн, в пылу беседы совершенно забывший про свои карты.

— Бедная, бедная Пруссия! — послышались отовсюду сочувственные голоса.

— Право же, я не понимаю — зачем уничтожая Пруссию, возрождать Польшу? — возмущался Николай Муравьев. — Виды правительства были бы ясны нам, если бы оно последовательно дробило соседние нам державы на малые части; а между тем, глядя на всё это, ей-Богу, иной раз кажется, что правая рука не ведаёт, что делает левая!

— Ах, оставьте! Император победил в невероятном, изумительном походе. Надо признать, что этот Бонапарте — очень толковый полководец! — резонно заметил граф Строганов.

— Ах, оставьте! — возразил Николай Николаевич, последнее время ставший записным патриотом российских кадров. — Он нипочём не разбил бы принца Брауншвейгского, если бы не своевременное вспомоществование от Александра Васильевича Суворова, так удачно успевшего на поле боя!

— Как знать! — не согласился барон Эртель. — До того он в дым разгромил принца Гогенлоэ, спасая этих польских каналий... А если вспомнить его Персидский поход то надо признать, господа — выбор императора чрезвычайно удачен!

— Чёрт побери! — не унимался Муравьев. — Всё это замечательно, но он — корсиканец! Как будто бы у нас нет русских полководцев! Да, тот же Каменский, к примеру — чем плох? С такими прекрасными войсками, что вверил ему император, любой бы справился ничуть не хуже этого безродного эмигранта! А как его семейка себя ведёт? Никакого уважения к аристократическим фамилиям!

— Увы, друг мой, — печально вздохнула хозяйка салона. — Теперь нигде нет уважения к аристократии... Слышанное ли дело — граф Ливен, несмотря на древность фамилии, сидит в остроге вместе с прочими колодниками! А молодой Рибопьер, — вы должны помнить его, такой галантный, воспитанный юноша — так и пропал без вести в ту несчастную ночь, когда...

— Душа моя, умоляю, остановись! — вдруг прервал супругу Михаил Михайлович. — Говорят, в нынешние времена и стены имеют уши!

Все на мгновение скорбно замолчали.

— Слышали, какую контрибуцию наложили на прусские земли? — решил сменить тему граф Строганов. — Восемьдесят миллионов талеров! Восемьдесят! А ведь платить ее будут лишь те земли, что считались прусскими до 1772 года! Остальные территории вернут Польше! Да, и еще двадцать миллионов, как говорят, должна будет заплатить Саксония. Представляете? Двадцать миллионов! Да это княжество всё целиком столько не стоит!

Поахав и посудачив над этой немыслимой суммой, гости естественным путём перешли от обсуждения государственных средств к частным. Плохо еще понимая, что происходит вокруг, изумлённые «светские люди» могли лишь наблюдать, как рядом с ними то один то другой человек вдруг подхватывался тем, что в будущем назовут «социальным лифтом», а в то время именовали «случаем», и возносился вдруг на недостижимую высоту. Конечно, такое бывало и раньше, при матушке Екатерине; но если тогда выражение «попасть в случай» означало вполне конкретное и по-человечески понятное событие, то теперь происходило нечто совершенно невообразимое: мелкие дворяне, вышедшие в отставку поручиками и корнетами, вдруг открывали торговые или промышленные заведения и становились миллионщиками!

— Слышали историю Овсянникова? Два года назад поручиком вышел в отставку по ранению. Чем-то приглянулся и попал на приём князя Николая Петровича Румянцева, бывшего тогда статс-секретарём у императора Александра, а ныне назначенного министром по коммер-

ческой части. Ну и что же: его всему обучили, дали рекомендацию, по которой купцы ссудили деньгами, и вот: у Овсянникова теперь целая фабрика, выпускающая «пузеля». Давно ли был без гроша, и вот — встретил намеренно на Невском в карете, запряженной четвёркой! Говорит, «процветаю». Паровую махину поставил, очень доволен; на вторую теперь копит.

— Это что! Овсяников ладно, он хоть дворянин! — подхватил князь Шаховской. — А вот когда князь уходит в купцы — вы это себе представляете? Да-да — молодой князь Андрей Всеволожский перешёл в купечество, отказался от титула, и теперь, будучи купцом 1-й гильдии, ворочает делами в Нижнем Новгороде! А сын графа Шувалова тот год поступил в Коммерческое училище, что открыто в Аничковом Дворце. Говорит, что большую часть молодых людей ещё до выпуска, прямо с учебной скамьи, отправляют теперь в Париж и в Лондон, готовить открытие каких-то грандиозных магазинов «Русский Дом». Воображаю — приказчик с графским титулом!

— Да, я слышал такое. Обещают жалование в тысячу рублей — такое и генералу впору, а уж для юноши осьмнадцати лет это просто дар небес! — подтвердил адъютант императора, молодой Никита Григорьевич Волконский.

— Да, в то время как поручики получают двести целковых в год! — ехидно заметил барон Корф.

— Говорят, после получения прусских контрибуций войскам выплатят дополнительное жалование, называемое «премией» — возразил на это флигель-адъютант.

— Мудрено будет получить сии средства: рассказывают, что прусские-то земли полностью разорены! — оценивая рассматривая свои карты, произнёс генерал — лейтенант Роман Карлович Анреп.

— Определённо, армия этого заслужила! Наши воины — настоящие герои! — уверенно заявила княгиня Голицына.

— Да и флот наш совсем, господа, неплох! Совсем, совсем неплох! — неуклюже заявил Дмитрий Хвостов, племянник Суворова и неудачливый рифмоплёт-графоман.

— Да, наш флот поднят ныне на небывалую, недостижимую высоту! — не без гордости произнёс адмирал Шишков. Этот не совсем «светский» человек с появлением свободы слова и открытием вслед за тем легальной политической дискуссии полюбил резонёрствовать в модных салонах, постепенно завоёвывая репутацию любителя старины и «народника». — Могу сказать совершенно определённо — сейчас мы сильнее кого-либо на морях, не исключая и господ англичан, и, стоит лишь государю пожелать — граф Суворов тотчас же окажется в Дувре!

— А что вообще слышно об англичанах? Неужто правда Питт подал в отставку? — наивно спросил молодой полный юноша, князь Козловский, недавно пошедший учиться по дипломатической части.

— Да, Пётр Борисович, сразу же, как только стало известно о поражении английского флота в Зундах. И, обратите внимание — командовал нашими силами Фёдор Фёдорович Ушаков, ярославский дворянин! Не всегда у нас предпочитают иностранцев — иной раз и русаку доверяют; а уж нашему брату только дай развернуться! — отвечал ему Шишков.

— А кто же теперь вместо Питта?

— Говорят, некий Генри Аддингтон, виконт Сидмуд — далеко не ровня господину Питту! Прислали недавно нового посла, адмирала. Очень боятся! Теперь англичане только и ждут, когда войска Суворова высадятся где-нибудь возле Дувра!

— Ну что же, господа — подвёл итог граф Александр Строганов — надобно признать, что все эти «новые люди» императора — не так уж пусты, как многие здесь полагали! Успехи нашей политики в Европе налицо!

— А что же ваш старший сын, Павел Александрович, всё никак не вернётся? — спросил вдруг графа старый шталмейстер Екатерины Лев Нарышкин.

— Ох, да я и сам не знаю его дел! — вдруг смешался граф. — Я бы рад его тут увидеть! Уверен, Павлуша сразу же привлёк бы внимание государя, и занял подобающее место... да вот — никак не едет. И что ему там в Европе, мёдом ли намазано... Не знаю! Надеюсь, впрочем, что однажды...

Последние слова графа потонули в громком хлопке и испуганных криках женщин. Одна из больших дуговых ламп ворвалась, разбрасывая по паркету горячие осколки стекла. И граф Строганов, воспользовавшись поднявшейся суматохой, поспешил замять компрометирующий разговор о сыне-нелегале...

По крайней мере, в одном гости княгини Голицыной оказались правы: действительно, в это время у нас шли с англичанами интенсивнейшие переговоры. Успех Северной Лиги Морского нейтралитета окрылил многие второстепенные державы: Дания и Швеция уже бредили высадкой на восточном побережье Англии, так что мне пришлось остужать их пыл. Голландия, успев за это время и вкусить сладость побед, и испытать горечь поражений, тут же решила заказать на наших верфях полсотни клиперов, двадцать фрегатов и десять линейных кораблей, а также... аж тридцать шесть блиндированных плотов, столь убедительно продемонстрировавших своё могущество и при осаде Гибралтара, и при защите датских Зундов. Но, увы, бюджет Батавской республики в это время трещал по всем швам, и расплатиться в полном объёме голландцы не могли. Однако, такой заказ упускать было нельзя! К тому же, у голландцев имелась пара-тройка интересных, хоть и крайне токсичных активов — это Цейлон, Индонезия, Малайя и, разумеется, Капстад. Интересны они были своей несомненной прибыльностью и перспективностью; а токсичности придавала им, конечно же, английская оккупация.

Соответственно, о судьбе этих колоний говорить следовало с англичанами.

Время для этого было самое наивыгоднейшее. Англия, получив оглушительную оплеуху в битве при острове Ланнгелан, срочно бросилась устанавливать с Россией самые тесные и дружественные отношения. Правительство Питта подало в отставку, а новый премьер министр, Аддингтон, тут же направил в Петербург нового посла: адмирала Джона Уоррена.

Надо сказать, господин этот оказался не очень-то дипломатичен. По-военному прямой, он отвечал на мои вопросы безо всяких политесов, откровенно и категорично:

— Вы хотите получить голландские колонии? Ну что же, — всё, что угодно, кроме Капстада! Эта территория крайне важна для интересов Англии и для нашего судоходства!

— Малайзия?

— При условии свободного прохода наших судов через Малаккский пролив вы можете забрать это!

— Цейлон?

— Цейлон — ваш. Не вижу никаких препятствий!

— Ну что же, кажется, мы можем договориться! В отношении Южной Африки я предлагаю поступить так: Капстад остаётся под вашим управлением, но мы получаем возможность колонизировать территории на востоке от него. Вы знаете, что мы устроили уже там небольшую колонию, Порт-Наталь. Если вы признаете ее и проведёте территориальное размежевание, то мы можем признать вашу власть над Капстадом. Также я хотел поговорить с вами об Австралии!

Английский посол вопросительно поднял бровь.

— Австралия? Что это, Ваше Величество?

С досады я готов был прикусить себе язык. Вот чёрт! Сколько лет уже здесь нахожусь, но до сих пор прокалываюсь на разных мелочах! Никакой «Австралии» ещё нет, этот континент начнут называть так много позднее! А сейчас это — «Новая Голландия»...

— Я имею в виду вашу колонию Новый Южный Уэльс, — пояснил я, делая вид что «ничего не было», — и весь этот континент. Дания требует возмещения потерь от вашей атаки

на Копенгаген — полагаю, колония на этом отдалённом континенте вполне удовлетворить ее; вы же избавитесь от тягостной обязанности содержания этой гигантской каторжной тюрьмы*. Что касается остальной территории Авст... Новой Голландии — она должна быть признана владением России!

Тут лицо англичанина прояснилось. Этот пыльный малолюдный континент в те времена никому не был особенно интересен. На тот момент Англия даже не претендовала на владение всем материком, поддерживая суверенитет лишь над малой его частью — этим самым Новым Южным Уэльсом. Конечно, владеть такой обширной территорией — это круто, но у Британии не было даже людей, чтобы толком заселить его, а без поселенцев этот край рисковал «отвалиться» от Англии в пользу более зубастых претендентов. Да и появление поселенцев ничего само по себе не гарантирует — пример Северо-Американских штатов еще был свеж в памяти членов Сент-Джеймского кабинета...

— Этот кусок пустыни? — хмыкнул сэр Джон. — Отчего бы и нет?

— Прекрасно, что вы так к этому относитесь. С вами приятно иметь дело, адмирал!

Сэр Уоррен польщённо улыбнулся.

— Вы слишком добры ко мне, Ваше Величество!

— Ни в коей степени! Какие ещё проблемы вас беспокоят? Давайте решим их раз и навсегда! Говорят, Новый Год — это время чудес; так пусть

— Увы, в прошлое министерство спорных вопросов накопилось более чем достаточно. Прежде всего, Англию совершенно не удовлетворяет текущий уровень наших торговых отношений. Мы уже много раз предлагали вам установление свободной торговли, без пошлин и запретов. Как убедительно доказал Адам Смит, Ну и конечно же, эта ваша «чайная монополия» вызывает крайнее раздражение во всех слоях английского общества. Думаю, не погрешу против истины, если сообщу вам, что в пять часов дня, во время обычного в нашей стране чаепития, вас вспоминают во всех домах Англии, причём в совершенно неподобающих выражениях! Ну, право же, монополия — это против свободы торговли!

— Знаете, за глаза они вольны называть меня, как угодно. Могут даже побить! — отшутился я.

Адмирал вежливо улыбнулся.

— Но если серьёзно — продолжил я — то все эти вопросы можно обсудить, разумеется, при условии выплаты нам надлежащей компенсации. Сейчас монополия приносит моей державе около восьмисот тысяч фунтов ежегодно. Если вы компенсируете нам эти доходы за пять лет — считайте, что мы договорились. Что же касается свободы торговли — то как насчёт открытия рынков в ваших колониях? Раз уж вы за свободу движения товаров — так будем в этом последовательны!

Лицо адмирала приняло озадаченное выражение. Очевидно, что он, человек военный, не очень хорошо ориентировался в таких вопросах.

— Простите, Ваше величество — наконец выдавил он, — но мне надо проконсультироваться со своим правительством!

Мне тут же стало скучно. Раз мы наткнулись на пределы полномочий посла — значит, дальнейший разговор не имеет смысла.

— Как здоровье сэра Уильяма? Не имею чести знать его лично, но всегда отдавал должное его опыту и глазомеру политика! — решил я перевести тему на необременительную тему.

Сэр Джон сделал гримасу, означавшую, очевидно «пьёт как лошадь, не просыхая даже по церковным праздникам!»

Я понимающе усмехнулся. Алкоголизм Питта, вызванный, видимо, всегда сопровождавшими его высокую должность сильнейшими стрессами давно был известен всему свету. А ведь он с 24-х лет был премьер-министром! Да, тяжёлая судьба досталась Уильяму Питту-Младшему...

— Признаюсь Вашему Величеству: будучи в Лондоне, я не очень-то интересовался делами бывшего премьер — министра — пояснил свои гримасы сэр Джон. — Ваша высокая оценка сего деятеля, конечно же, лестна для нашей державы, но в действительности, немногие политики Лондона разделяют ее! На самом деле многие у нас считают этого господина «архипосредственностью», привычно изрекающего банальности про исключительное положение Британии и важность поддержания Европейского равновесия, тогда как «равновесие» это давно уже разорвано в клочья!

«Эээ, друг. Знал бы ты, кто будет править в твоей стране в будущем, ты бы не так запел. В сравнении с ними Питт-Младший — просто чёртов гений!» — невольно подумалось мне.

— Ну, в этом вы тоже правы, — чопорно ответил я и поднялся, давая понять, что аудиенция закончена. Адмирал поклонился в ответ и направился к выходу.

— Когда мне можно ждать ответов на мои инициативы? — окликнул я его перед уходом.

Сэр Уоррен на секунду задумался, прикидывая что-то в уме.

— Я снесусь с Уайтхоллом как можно скорее. В остальном всё зависит от того, сколь быстро ответят мне Сент-Джеймский дворец и сэр Аддингтон!

— Ну, будем надеяться на скорое рассмотрение наших проблем! — напутствовал его я, и мы расстались.

Когда я остался один, то несколько минут сидел с закрытыми глазами, пытаюсь собраться с мыслями. Да, вести переговоры с Лондоном так же увлекательно и безопасно, как дёргать льва за хвост! Но, всё-таки, стоит попытаться договориться с ними: сейчас, когда они напуганы поражением, можно выговорить себе самые весомые бенефиты!

«Если они ответят быстро — сказал я себе — значит, готовы к уступкам. Если нет — война продлится еще долго. Придётся готовить вторжение в Ганновер и высадку где-нибудь в Шотландии».

Лондон ответил быстро.

* - Длительное время Австралия рассматривалась в Англии лишь в качестве места для ссылки каторжников.

Глава 2

Лондон ответил быстро и, в целом, положительно. И вскоре сэра Джон снова появился на пороге моего кабинета.

— Ваше Величество, — с непривычной для него вкрадчивостью произнёс адмирал, — я получил ответ премьер-министра. Сэр Аддингтон решительнейшим образом настроен наладить с вашей державой самые прочные и добрососедские отношения! Уверяю вас, правительство Его Величества пойдёт на все ваши условия, признанные парламентом разумными; но есть некоторые условия...

Слова про «условия» заставили меня напрячься.

— Вот как? Какие же? — сухо спросил я, буравя посланника короля Георга фирменным романовским оловянным взглядом.

Лицо адмирала приняло немного виноватое выражение — вероятно, именно так он представлял себе работу дипломата.

— Видите ли, Ваше Величество... Его Величество король Георг безусловно доверяет вашему слову; однако, господа в парламенте, увы, не столь благородного нрава, и, очевидно они захотят увидеть некоторые гарантии безопасности...

— Что именно? — ещё суше спросил я, уже понимая, куда он клонит.

— Ну, например, Ваше Величество, в парламенте было бы очень высоко оценено распоряжение Вашего Величества произвести разоружение Балтийского флота; ведь сейчас русские корабли, находясь в Датских проливах всего лишь в двух днях пути до Лондона, постоянно угрожают нашему спокойствию! Поверьте: если вы поставите свой флот в порт Кронштадта, то и двор Его Величества, и парламент, и весь народ Англии самым высочайшим образом оценили бы этот жест!

Я бы хотел ответить ему что-то колкое, но затем задумался. После тяжелого боя у острова Лангеллан флот действительно не нуждается в ремонте. Поддерживать его и далее в боеготовом состоянии стоит огромных денег; к тому же трудно предположить, чтобы англичане или кто-то другой сунулись в Зунды ещё раз. Между тем, если я отведу флот, разоружу и поставлю его на модернизацию и ремонт, то можно будет, во-первых, сэкономить известную сумму денег, а во-вторых — здорово повысить возможности нашего Балтийского флота.

Дело в том, что я давно уже подумывал об установлении в боевых кораблях паровых машин. С появлением термитных снарядов старые калильные печи, установленные в трюмах большинства наших кораблей, оказались уже не нужны. А у нас тем временем появились конструкции паровых машин, достаточно компактных, чтобы установить их в трюмах, и притом довольно-таки мощных. Удалось нам получить и вполне работоспособный профиль гребного винта; поэтому уродовать борта кораблей тяжелыми и уязвимыми гребными колёсами уже не было необходимости.

Зачем если поставите паровой двигатель даже на часть боевых кораблей, это изменит решительно всё! Прежде всего, наш флот получит просто немыслимую тактическую гибкость.

Сейчас бой парусных кораблей протекает практически по воле ветра, и адмиралы очень часто имеют лишь крайне скудный выбор вариантов собственных действий. А суда, снабжённые независимым от ветра паровым двигателем, могут создавать немыслимые ранее перестроения: охватывать и уничтожать вражеские эскадры по частям, создавая локальное превосходство сил в любой точке боевой линии! Очень, очень заманчиво!

Конечно, это создаст и свои проблемы. Скажем, гребной винт, постоянно волоочащийся за кораблём, будет тормозить ход судна при движении под парусом. С этим всегда боролись, применяя выдвижные конструкции, а также винты переменного шага; но на сегодняшний день

для нас это, пожалуй, слишком сложная технология. Тем не менее — за этим будущее, и другого пути попросту нет...

Вдруг меня вывело из задумчивости деликатное покашливание. Тут только я вспомнил, что аудиенция английского посла еще не окончена, и сэр Джон Уоррен, застывший в просительной позе, по-прежнему находится в моём кабинете.

— Простите, сэр Джон, я немного задумался. Полагаю, что ваше предложение о разоружении вполне уместно. Однако в Кронштадт весь флот я не отведу, большая его часть останется в Дании. Имейте в виду: Зунды навсегда останутся для вас закрытыми. Мы можем вывести оттуда наши линейные корабли, но канонерские лодки и плавучие батареи не оставят вам шанса пройти в Балтику!

— Нас это более чем устроит — печально произнес адмирал Уоррен, всем видом своим давая понять, что на самом деле никого в английском Адмиралтействе это решительным образом, конечно же, не устраивает, а сам он просто смиряется перед действительностью. — Однако, Ваше Величество, есть ещё один вопрос... право же, не знаю даже, как начать!

Ещё не лучше! Что они там на этот раз придумали?

— Ну, как видите — попытался я развеять внезапную застенчивость моего визитёра — мы с Вами разговариваем прямо, без излишнего политеса. Честно скажите, что вас беспокоит?

— Эти ваши новые снаряды, Ваше Величество... Они решительно меняют весь рисунок морского боя! Боюсь, что Англия не может считать себя в безопасности пока не получит секрет этого чудовищного и разрушительного оружия!

Внешне пытаясь всеми силами сохранить бесстрастное выражение лица, мысленно я улыбнулся. Да, чёрт побери: когда ты живешь на острове, а твой флот вдруг сгорает дотла в бою с эскадрой третьеразрядной морской державы, — это производит сильное впечатление!

— Не хочу огорчать вас, Джон... но, честно говоря, Англия больше никогда не сможет почитать себя в безопасности! — состроив сочувственную гримасу, ответил я. — Наша страна вышла в океаны и не намерена более никуда уходить; русский флот отныне всегда будет и могущественным, и опасным. Лишь дипломатия и твёрдые договорённости на основе взаимной выгоды и компромиссов смогут обеспечить теперь ваше процветание и безопасность!

Адмирал вежливо кивнул.

— И, тем не менее, Правительство Его Величества было бы очень признательно Вашему Величеству за предоставление секрета этого чудесного и разрушительного средства! — произнёс он в ответ.

Это пожелание не стало для меня сюрпризом. Я уже знал от своих агентов в Лондоне, прежде всего — от нового посла, мадам Жеребцовой, что англичане во что бы то ни стало желают заполучить секрет термита. Видимо, это средство произвело на них особенно сильное впечатление во время боя за Балтийский порт, когда попаданиями с канонерских лодок удалось поджечь и уничтожить два линейных корабля эскадры контр-адмирала Коллингвуда. И я давно уже решил, что при случае охотно им этот секрет продам.

Дело в том, что несложная, в общем-то, технология его получения легко могла бы быть выкрадена у нас, причём — не обязательно англичанами. И тогда я потеряю те деньги, которые мог бы получить за секрет изобретения. В то же время главное наше вундерваффе — бронированные плоты — для термитных снарядов неуязвимо. А когда у нас появятся металлические корабли, толку от этого термита для англичан станет ровно «ноль». Как же всё-таки хорошо, когда знаешь будущее!

— О каких суммах идёт речь? — сразу решил я перевести это дело в практическую плоскость.

— Ну скажем... 500 000 фунтов!

«Хорошие деньги, сэр Джон, — подумалось мне. Но вы заплатите больше!»

— Пять миллионов! Пять миллионов фунтов, и мы договорились! — отрезал я тоном, не допускавшим возражений, и вновь уставился оловянным взглядом в растерянное лицо утратившего дар речи адмирала.

— Но это... огромная цифра! — наконец ошеломлённо вымолвил сэр Уоррен.

— Разумеется! К счастью, вы всегда можете занять в Сити, не так ли? Могу порекомендовать вам банк господина Ротшильда — в высшей степени порядочное заведение!

— Я... Я передам предложения Вашего Величества! — огорчённо промолвил Уоррен.

— Советую поторопиться, потому что вы не первый, кто задавал мне аналогичные вопросы! — заметил я, почти с сочувствием глядя на англичанина.

Через некоторое время мистер Уоррен уведомил меня, что правительство Его Величества короля Георга готово рассмотреть самые значительные суммы, однако не имеет возможности выплатить их единовременно.

— Ну, ничего. Два сейчас, три в рассрочку. А пока вы думаете и ищите деньги, я, пожалуй, оккупирую Ямайку. Идёт?

Сэр Джон сделал круглые от ужаса глаза. Ямайка для англичан была настоящим золотым дном, приносившим гигантские деньги на торговле сахаром. Скорее они отдали бы Кент или Эссекс, чем согласились расстаться с этим островом!

— Ямайка не может быть ни залогом, ни предметом торгов, Ваше Величество! — наконец осмелился заявить он.

— Ну ладно, как скажете. Ганновер?

— Ганновер — личный домен Его Величества короля Георга, Ваше Величество...

Ну, то есть «нет». Да и правильно — зачем мне эти скучные немцы? У нас их и так уже полно, вон, пленных уже некуда девать!

— Индия?

Лицо Джона приобрело туманное выражение. В те времена Индия (вернее — Бенгалия; весь Индостан англичанам ещё не принадлежал) приносила им больше убытков, чем прибыли. В парламенте даже обсуждался вопрос об уходе из Индии, как потенциально взрывоопасном регионе с могущественными врагами и очень нестабильными настроениями среди населения.

— Боюсь, Ваше величество, что Индия тоже не очень подходящий предмет для такого рода сделок — она ведь принадлежит не короне, а Ост-Индской компании! — наконец извиняющимся тоном произнёс адмирал Уоррен.

— Ну ладно, ладно. Вы, я смотрю, готовы жертвовать только чужими колониями... А что Его Величество решил относительно Новой Голландии?

Сэр Уоррен с готовностью склонил голову.

— Новый Южный Уэльс может быть рассмотрен! Могу даже предположить, что эта территория может быть целиком переуступлена за известную сумму... Но есть одно условие: между нашими странами необходимо подписать соглашение о свободе торговли!

В конечном счёте после долгих переговоров с правительством Аддингтона соглашение с Англией было подписано. Как и ожидалось, для парламента очень болезненным оказался вопрос о выплате репараций за ничем не спровоцированное нападение на Данию и атаку нашего флота. Впрочем, мы с Уорреном быстро нашли решение: репарации были «защиты» в сумму оплаты по различным контрактам, заключаемым одновременно с мирным соглашением. Так, за секрет термита Россия получала 5 миллионов фунтов, но сделка была подписана на 6 миллионов — один миллион и составляла эта «скрытая» репарация. Затем за этот миллион Россия покупала Новую Голландию у Англии, так что внешне всё выглядело как очень выгодная для Лондона сделка.

России передавался весь этот обширный континент, кроме Нового Южного Уэльса, отходящего датчанам. Англичане не особенно дорожили этой отдалённой территорией и без сожа-

лений готовы были ее уступить. Для них гораздо важнее было получить от нас секрет термита. Эти снаряды показали настолько сокрушительное воздействие на деревянные корабли, что стали воистину убероружием. Владение им, по сути, означает обладание океанами, и этот факт сводил с ума помешанных на морском могуществе англичан.

В пакете соглашений шёл очень важный для меня кораблестроительный контракт. Из-за серьёзных потерь англичане наконец-то согласились приобрести боевые корабли русской постройки. Между нами было заключено соглашение на закупку английским адмиралтейством ста двенадцати клиперов, шестнадцати фрегатов и тридцати трёх линейных кораблей! Поставка должна была быть выполнена в течение трёх лет. Одновременно англичане закупали огромное количество продовольствия — в Британии в это время был сильный неурожай.

Сильно подозреваю, что одним из мотивов такого договора было желание англичан сорвать аналогичные договорённости с Батавской Республикой. Действительно, из-за загруженности верфей мне пришлось сильно урезать аналогичные контракты с другими державами. Впрочем, одновременно мы активно расширяли производство: началась полномасштабная работа верфей на Сингапуре, применявший великолепный тиковый лес и манильскую верёвку, а также в Калифорнии, где использовались в изобилии росший на склонах гор местный дуб.

Кроме того, между нашими странами было заключено соглашение о свободе торговли. По его условиям, подданные наших стран могли свободно торговать любыми товарами, осуществлять закупки, финансовые операции, контрактацию, экспорт и импорт как в метрополии, так и в колониях и на зависимых территориях друг друга.

В Лондоне это восприняли как грандиозный успех своей дипломатии: ведь именно таким образом в своё время Англия смогла настолько подорвать экономику Франции, что в той вспыхнула революция. Этого соглашения усиленно добивался ещё Чарльз Уитворд, и вот, наконец, оно было достигнуто. Теперь в Сити потирали руки, представляя, какие барыши они смогут выдоить из громадных российских просторов.

Наивные... думают, я этого не учёл!

Между тем громкая победа русского флота вызвала в обществе огромный взрыв энтузиазма. Морской Кадетский Корпус осаждали абитуриенты; пришлось расширять набор. Те, кто не сумел поступить, уходили в Корпус Торгового Мореплавания, недавно открытый в Английском дворце Петергофа. Морская экспансия стала популярной темой салонных бесед, а купцы начали хаживать и в Средиземное море, и в Индийский океан.

Прекрасно понимая, что на этой волне общественного интереса можно добиться очень многого, я решил создать структуры, которые помогли бы продвижению наших торговых интересов. Во-первых, был учреждён особый тип торговых агентов, которые за долю прибыли должны были помогать нашим купцам в торговле на незнакомых им рынках. Первые несколько человек были направлены в Бейрут, Александрию, Ресифи, Маракайбо и Гавану; в планах были Манила, Кантон, Бомбей, Калькутта, Корхинхин и Тринкомали.

Теперь Россия обратилась к океанам: ретрограды с замшелыми идеями о том, что Россия суть сухопутная держава, и флот ей не очень-то нужен, замолкли. И я решил закрепить успех, создав некое подобие Добровольного флота.

В известной мне истории эта структура была создана в Российской империи в 1878 г. по высочайшему повелению императора Александра II. Как известно, после поражения в Крымской войне Россия не имела флота на Чёрном море. После подписания в феврале 1878 г. Сан-Стефанского мирного договора Англия ввела в Мраморное море сильную эскадру, угрожая полностью незащищённому русскому Причерноморью. Для выхода из создавшегося положения было решено начать сбор пожертвований для приобретения быстроходных судов, которые в случае необходимости могли быть переоборудованы в крейсера-рейдеры. Этот призыв нашел

тогда горячую поддержку во всей России, взбудораженной войной на Балканах. Вскоре был учрежден Главный комитет для сбора народных средств на приобретения судов-крейсеров. Эти корабли в мирное время должны были осуществлять торговую деятельность, полностью окупая свое содержание и даже создавая прибыль, а в во время войны вооружались артиллерией и применялись как рейдеры. С этими целями требования к закупаемым судам были довольно высокими: скорость хода не менее 13 узлов, возможность установки 8-дюймовых орудий без серьезных переделок, запас угля на 20 дней плавания полным ходом.

Сбор средств проходил очень активно. За несколько недель было собрано более 2 миллионов рублей, которые пошли на закупку в Германии 4-х пароходов водоизмещением около 3 000 т каждый, которые после прибытия в Кронштадт вооружили и переименовали в «Россия», «Москва», «Петербург», «Нижний Новгород».

Там же, в Германии, закупили для них артиллерию — 210-мм, 170-мм и 150-мм орудия. На палубах пароходов сделали усиления под фундаменты орудий, и вуаля — всего через 3 месяца после возникновения идеи Добровольный флот уже существовал! Командовали судами офицеры военного флота.

Когда угроза войны с Англией миновала, пароходы разоружили и передали в распоряжение Комитета Добровольного флота преобразованного затем в Общество Добровольного флота для коммерческой деятельности. Они осуществляли срочное товарно-пассажирское сообщение между Одессой и портами Дальнего Востока. К 1900 г. Добровольный флот состоял уже из 23 пассажирских и грузовых пароходов.

И теперь, на волне успехов нашего флота, я решил создать нечто подобное.

Первым делом пришлось обратиться к газетчикам. К тому времени у меня уже были прекрасно налаженные связи с прессой, и вскоре началась интенсивная пропаганда идеи создания новой большой компании. Был создан Учредительный Комитет общества Добровольного флота под председательством адмирала Мордвинова, открыта подписка на паи Общества. Основными судами Общества Добровольного флота должны были стать быстроходные клиперы и вместительные барки; во время войны эти суда превратились бы в рейдеры, транспорты и суда снабжения, а в мирное время они спокойно осуществляли бы торговые рейсы по фрахтам, преимущественно, русских купцов.

Надо сказать, что идея оказалась чрезвычайно плодотворной. Популярность флота после громкой победы в Зундах, выгоды заморской торговли, которые успели ощутить уже многие (а еще большее число — услышать и поверить в них), участие государственного капитала и авторитет адмирала Мордвинова — всё это вызвало настоящую волну энтузиазма! Я приказал сделать размер одного пая небольшим — всего один рубль — чтобы и мелкие вкладчики смогли принять участие в этом благородном и, одновременно, выгодном деле. Хотя устав Общества предусматривал, что распределению подлежит не более половины прибыли, а другая половина обязательно идет на развитие Добровольного Флота — покупку новых судов, устройство баз, и так далее — от желающих приобрести пай просто не было отбоя! Особенную активность проявили земляки адмирала Ушакова — ярославцы, — и моряки русского Балтийского флота. Последние потратили на выкуп паёв все свои призовые деньги, полученные за победу над англичанами при Лангеллане. Узнав об этом, я приказал удвоить их долю, продав морякам паи со скидкой в 50%.

Сочетание частной инициативы и государственной поддержки резко увеличило объёмы русской внешней и транзитной торговли. В то же время значительные суммы, собранные на организацию флота (за год удалось собрать четыре с половиной миллиона рублей), позволили начать работу по опытному оснащению торговых судов паровыми двигателями.

Глава 3

Поскольку новый, 1800-й год был, пожалуй, первым, не сопровождавшимся заговорами и прочей ерундой, я решил спланировать его по-новому. Мне давно уже приходила в голову мысль, что в такой огромной стране, как Россия, правитель не может постоянно сидеть в столице. Необходимо хотя бы раз в год путешествовать, причём не как ротозее-туристу, а по чёткому плану. И в этом году я решил совершить пробную поездку на Урал.

Регион этот стремительно развивался, причём самыми быстрорастущими направлениями оказалась добыча золота и платины. Первые сотни пудов уральского золота уже поступили в казну, и было совершенно очевидно, что добыча с каждым годом будет только расти и расширяться. Стоило посетить это «золотое дно», познакомиться ближе с местными властями, осмотреть казённые заводы, недавно установленное оборудование, новые железные дороги; а по пути очень желательно было посетить Пермь и ряд других городов Предуралья, на развитие которых я возлагал большие надежды.

Впрочем, золотодобыча расцветала не только на Урале. Первые успехи в этом прибыльном деле были достигнуты и в далёкой Калифорнии — на реке Сакраменто удалось запустить две паровые драги, добывающие и промывающие сотни тысяч пудов золотоносного песка. Деятельность эта объясняется для местных как «дноуглубительные работы», так что я надеюсь ближайшие несколько лет сохранить всё в тайне. Наземные изыскания тоже дали самый превосходный результат, но здесь пока не очень понятно, какую легенду придумать для прикрытия этой деятельности. Пока наша рабочая версия — «индейская резервация», с категорическим запретом нарушения ее границ для всех непосвящённых. А для работ мы завезём китайцев, ни слова не знающих на европейских языках... Тем не менее, понятно, что долго сохранить тайну не получится, и, как только станет известно о золотоносных россыпях Калифорнии, туда хлынут тысячи, десятки тысяч авантюристов. К этому нашествию надо быть готовым: и у меня уже было на то счёт несколько идей.

Но, как это не странно, главный сюрприз и основной источник золота обнаружился не на Урале, не в Сибири, и не в Америке, и даже ни в Южной Африке, а... в Петербурге! История эта одновременно и смешная, и, в то же время, поучительная.

Как только мы построили первые экспериментальные электрогенераторы, тут же выяснилось, что обычная, загрязнённая примесями медь для них плохо подходит — слишком велики потери на сопротивление обмоток, и соответственно, происходит их недопустимо сильный нагрев. Тут-то я и вспомнил, что все электротехнические изделия, что когда-то мне приходилось продавать, изготавливались из так называемой «электротехнической меди». Попросив гипнотизёров (маркиз выучил себе смену — несколько русских специалистов) провентилировать этот вопрос, я выяснил, что «электротехническая» медь — это очень чистый, свободный от примесей металл. Не меньше чем 99,5% должен составлять именно медь, и лишь 0,5% допустимо отдавать под примеси. А лучше если чистота проводника достигнет 99,9, а то и 99,99%!

Учёные тут же начали думать, как можно очистить (рафинировать) медь. Работы шли в двух направлениях — электролитическим, с применением электричества, и химическим. Первый способ рафинирования черновой меди уже вскоре дал превосходные результаты — чистота осаждённого на электродах металла достигала 99,9995%! Однако, способ имел серьёзные недостатки — он требовал очень много электроэнергии, чего у нас не было пока и в помине!

Поэтому вся надежда была на химиков.

И они не подвели. Успех пришёл к группе, возглавляемой молодым учёным Фёдором Васильевичем Ряцовым, — тем самым пажом, что рассказал мне про маленьких обитателей чердака над Зимним дворцом. И вот ему-то с лаборантами удалось разработать процесс полу-

чения чистой меди: для этого черновую медь пережигали, для перевода её в оксид, а затем обрабатывали концентрированным уксусом, а из полученной субстанции можно было выплавить уже чистую медь, поскольку в процессе всех этих измывательств примеси выпадали в осадок. И вот тут-то и выяснилось, что в среднестатистической меди содержится в виде примесей немало серебра, а то и золота! Иной раз, перегнав старинную пушку или колокол, можно было получить из них десятки фунтов серебра — много больше, чем стоят сами изделия.

Разумеется, рафинирование меди, заслуженно получившее название «процесс Рябцова», поставили на поток. И на выходе у нас получалась теперь чистейшая «электротехническая» медь и драгоценные металлы в количестве, не только окупавшем всю процедуру очистки меди от примесей, но и приносящем ощутимую прибыль!

Вдохновившись этим успехом, я начал планировать переплавку решительно всех старых, но ещё годных артиллерийских орудий, всего металла для обивки днищ кораблей и, разумеется, множества старых интерьерных бронзовых и медных изделий.

А ещё я начал потихоньку прицеливаться на потенциально огромные месторождения золота в Южной Африке и в Австралии. Мне было прекрасно известно, что оба эти региона обладают колоссальными запасами драгоценных металлов, только и ждущих своего часа. Конечно, сначала надо было там понадежнее закрепиться, что требовало времени и средств.

Но я не торопился. До 1825 года еще далеко!

Занимаясь золотом, мы не забывали и о «простом продукте». Так, в Петербурге было выстроено и в этот год запускалось в работу гигантское здание кондитерской фабрики. Здесь, на ориентированном на рынки Европы производстве, будут изготавливать яблочную и клюквенную пастилу, нугу, повидло и мармелад. Сырьё для такой крупной мануфактуры будет завозиться по морю, поскольку местные источники смогут покрыть его потребности лишь частично. Вторая точно такая же фабрика строится в Одессе — в неё будут свозиться турецкие и магрибские апельсины, груши и яблоки со всего Причерноморья, а отсюда по всему миру разойдутся банки с различными сортами мармелада.

В Петербурге же ударными темпами возводится здание будущей шоколадной фабрики. Какао, разумеется, пойдёт сюда морем, и после обработки на изошренных машинах с паровым приводом превратится здесь во вкуснейший шоколад двадцати восемью разными наименованиями и рецептами. Вероятно, поставки его также пойдут в основном за границу: причём я заключил с Испанией и Португалией, из чьих владений и вывозится какао, эксклюзивное соглашение, по которому поставка нами шоколада не облагается никакими пошлинами: условно считается, что мы возвращаем тот самый какао, который ввезли из колоний этих держав.

Ещё одним ходовым товаром оказались консервы. Этот нехитрый, в общем-то, продукт получился у нас не сразу: мы никак не могли понять, зачем банки при стерилизации помещать в автоклав, и использовали просто кипячение при атмосферном давлении, что приводило к случаям ботулизма. Позже я выявил эту проблему, и мы начали экспериментировать с использованием кипящего масла и пара. Увы, ни один из этих способов не прижился: дело в том, что при нагреве банки просто вздувались и лопались, поскольку внутри них тоже образовывалось избыточное давление. В итоге, пришлось всё-таки вкладываться в автоклавы, и после этого дело пошло на лад.

Как это ни странно, один из первых заводов мы решили делать в Архангельске. В его пользу говорила возможность очень легко и удобно завозить сюда лёд. Морозильные машины в это время нами уже строились: это были неуклюжие агрегаты на основе опасного и едкого аммиака, получаемого нами из чилийской селитры. Однако в Архангельске можно было обойтись завозным арктическим льдом, что в перспективе позволяло экономить на морозильных камерах. Ещё одно предприятие такого рода возводилось в Царицыне: тут уже без морозильников было не обойтись, хотя частично вопрос решался созданием огромных, добротно теплоизолированных хранилищ волжского льда, изобильно доставляемого весенним ледоходом.

Мясные, мясорастительные и даже овощные консервы с руками отрывали торговые и военные флоты всего мира. Причём тон тут задавали англичане: их гигантский торговый флот всегда страдал от нехватки рук, а улучшение снабжения очень сильно влияло на привлекательность того или иного судна в глазах потенциальных моряков. Если на каком-то судне их вместо серо-бурой, надоевшей всем солонины начинали кормить практически свежим мясом — на такой корабль немедленно выстраивались очереди желающих на нём плавать!

Окрылённые успехом, наши приказчики и механики создавали всё новые образцы консервов: из изюбря, сайгака, северного оленя, медведя, лося; и все они находили свой спрос. Появились и фрукты, консервированные в сладком сиропе и тут же снискавшие популярность, особенно среди моряков, путешественников и покупателей в Северной Европе.

Притом, консервное производство устроено было практически безотходным: огромное количество костей, образовывавшихся на бойнях, перетиралось в костную пыль и продавалось как фосфорное удобрение; а жилы, лёгкие, и прочие субпродукты перерабатывались в корм для животных и поставлялись на огромные зверофермы, устроенные по соседству.

Эти фермы стали прибежищем и местом службы для большого количества императорских и крепостных людей, служивших ранее на господских псарнях и потерявших работу после отмены крепостного права. В начале 1797 года, разогнав огромную императорскую охоту и, заодно, зверинец Григория Орлова, я задался вопросом — а что делать со всеми этими людьми? Будь мы в 21-м или даже в 20-м веке, такими вопросами можно было бы и не задаваться — огромный рынок рабочей силы позволил бы им найти своё место под солнцем. Но в конце 18-го века, где нет ни биржи труда, ни интернет-сайтов типа Джоб ру, трудоустройство было намного более сложным мероприятием. И вот тогда-то я придумал три вещи — зоопарк, цирк и зверофермы.

Зоопарк, или «Биологический сад», был устроен в Петербурге в районе -090-=. (Там где находится Михайловский сад). Здесь же в перспективе я хотел бы устроить и океанариум, и, возможно, аквапарк. Поначалу экспозиция была невелика, но постепенно к нам присылали всё больше разных животных из Юго-Восточной Азии, и из Бразилии, и из прочих отдалённых уголков мира.

Надо сказать, что это был первый зоопарк в мире: даже в Лондоне, справедливо считавшемся самым комфортабельным и благоустроенным городом в мире, пока не существовало таких общественных зверинцев.

Цирк был устроен в Москве; сюда были направлены самые талантливые звероводы, доезжачие и выжлятники, каких только удалось найти. Поначалу многие специалисты, вынужденные вместо привычных собак работать теперь с мартышками и зебрами, плевались и даже уходили в запой; но со временем всё устаканилось (как бы двусмысленно это не звучало).

Персонал императорского охотничьего хозяйства был таким образом полностью пристроен к делу. Но затем, после отмены крепостного права, дворяне стали один за другим отказываться от своих огромных охотничьих свор, и проблема встала с новой силой. К счастью, идея звероводческого хозяйства была легко реализуема, — нашлись и управляющие из мелких дворян, увлечённых охотой, и умеющие работать со зверьём люди; а сделать клетки и раздобыть корм было совсем несложно. Вскоре мы открыли одно хозяйство в Лобне, где выращивали в основном чернобурую лису, и норковую ферму в Парголово. Результат оказался положительным, и теперь я собирался придать этому делу настоящий размах, благо работать с мехом у нас умели, а сбыт через открывающиеся в Европе магазины «Русского дома» представлялся поистине безграничным. Единственное узкое место здесь было в отсутствии масштабного производства готовых меховых изделий — ведь обычно и шубы, и шапки тут шили на заказ. Но формат торгового центра, разумеется, требовал иного подхода; и вот нам пришлось разрабатывать шаблоны, таблицы размеров, выкройки, модели, и многое, многое другое; Причём, из-за нашего наполеоновского размаха ориентироваться приходилось одновременно на вкусы и

европейских, и российских, и азиатских покупателей. Для этого нам пришлось производить нечто вроде «опроса фокус-групп», то есть собирать, например, нескольких обеспеченных азиатов и, показывая им модели и образцы шапок, манто, шуб, узнавать у них, что им нравится, а что — нет, и готовы ли они это купить. Иногда это происходило прямо в Зимнем дворце, перед или после бала. Также, мы изготавливали небольшую партию шуб одной модели и смотрели, как быстро они продадутся и кто именно их покупает.

Так или иначе, сейчас в Тосно строилась огромная фабрика по производству меховых изделий. Там будут установлены мощные вырубные машины с паровым приводом для быстрой раскройки, швейные машины, а на работу будут приниматься и мужчины, и женщины из окрестных сёл.

Не забывал я и про сельское хозяйство. Болотов, успешно руководивший государственными хозяйствами и сельскохозяйственными школами в Тавриде, теперь перебрасывался мною на новое важное направление. Ему шёл 62-й год, но благодаря заботе о здоровье выглядел он крепким, как морёный дуб. Надо сказать, я восхищался им неимоверно. Встретив Андрея Тимофеевича тринадцать лет назад уже в очень зрелом возрасте, я и предположить не мог, что здравомыслие и здоровый скептицизм сочетаются в нём с удивительной гибкостью, приспособляемостью и, главное, интеллектуальной смелостью — готовностью к риску, к эксперименту, способностью признать свою неправоту и всемерным стремлением к достижению конечного результата.

За годы работы под моим общим руководством он прошёл путь от разъездного популяризатора выращивания картофеля до главы агрохолдинга. Теперь же я вручал его управлению гигантскую структуру — огромные зерновые элеваторы в Царицыне кумпанства «Хлебный резерв». Тут в почти идеальных условиях хранятся огромные запасы зерна, используемого для обеспечения продуктовой стабильности — исключения случаев голода. Раньше, при Екатерине, зерновые магазины вводились в каждом губернском городе, но жизнь показала неудачность такой системы. Магазины эти обычно были сырые и не могли обеспечить сохранность зерна; к тому же получалось, что если в губернии неурожай, то эти местные зернохранилища оставались попросту пустыми. Большие, обшитые металлом зерновые склады в Царицыне позволяли надёжно сохранять зерно, а от губернаторов теперь требовалось лишь вовремя сдавать статистическую отчетность по запасам хлеба и динамику цен на рынке: как только стоимость хлеба в каком-либо уезде начинала рост, туда тотчас высылалось «резервное» царицынское зерно.

Бурными темпами развивалось в России выращивание картофеля. Новая мода в Европе создала приличный спрос на получаемый из этого корнеплода крахмал. В южных поместьях Болотова продолжались эксперименты по селекции сахарной свёклы; там же теперь занимаются районированием кукурузы, риса и сои. А ещё в Тавриде нашли очень интересную траву «галегу» или, по-простому, козлятник — отличный корм для скота: такой же полезный, как и клевер, но намного более продуктивный. В общем, Болотов показал себя с исключительно положительной стороны, так что я, расщедрившись, решил присвоить ему орден Св. Владимира и титул графа. Андрей Тимофеевич, всегда равнодушный к титулам и наградам, был, тем не менее, растроган.

Но самой большой отдачи я ожидал от другого проекта.

Уже год, как мы занимались невиданным ранее проектом: открытием огромных магазинов розничной торговли компании «Русский дом». Время для этого было самое благоприятное: Россия входила в Европе в моду.

Удивительно, как военная победа может изменить имидж нации. Только вчера нас рассматривали как натуральный «медвежий угол», не блещущий ни научными, ни культурными, ни техническими новинками. Но стоило устроить локальный геноцид британского флота — и вуаля! Россия тут же вошла в моду; парижане начали носить зимнюю одежду «а ля русс», во

Франкфурте и Антверпене возникли высоченные «русские горки», во множестве городов вводили электрическое освещение и зимние праздники. В общем, на нашу страну теперь смотрели как на дивный сад чудес, откуда-то и дело вырывались в мир разного рода чудесные устройства, вкусные продукты и смертельно опасное оружие.

Это немедленно сказалось на наших торговых делах. Резко вырос спрос на русские товары; и я верил, что компания «Русский Дом», открыв в Европе несколько грандиозных магазинов, сможет показать европейцам совершенно новый уровень услуг.

Развивалось и наше почтово-логистическое предприятие. «Общество Меркурий» захватывало рынок в немецких землях, делая также большие успехи в Австрии и Италии; в планах были Франция, Англия и Иберийский полуостров с выходом на обширные испанские и португальские колонии. Как я планировал, эти два крыла бизнеса постепенно должны были объединяться на почве дистанционной торговли по образцам: например, заказанные по каталогу «Русского дома» галантерея и одежда будут рассылаться по адресатам в быстрых почтовых дилижансах Меркурия и выдаваться в его почтовых отделениях, а при наличии к тому возможности — просто доставляться до порога дома. На нас должна была сработать и новизна товаров, и грандиозный масштаб деятельности, и хитрые схемы налоговой оптимизации: так, в Англии после ратификации соглашения о свободной торговле весь ввоз будет осуществляться беспошлинно, а с немецкими землями, с Голландией, гигантской Австрией и Испанией велись переговоры о том, что «Русский дом» будет работать экстерриториально, не выплачивая никаких таможенных сборов за ввозимые и реализуемые через этот магазин товары.

В общем, погруженный в дела по самые уши, я смело строил наполеоновские планы и питал самые радужные надежды, когда из Пруссии в Петербург дошла весть, что мой тесть, Александр Суворов, умирает в Кенигсберге.

Глава 4

Известие это разом поломало все мои планы. Надо было ехать спасать любимого тестя, или, хотя бы, сделать всё, что в моих силах, дабы помочь ему. Наташа, несмотря на вторую беременность и совершенно ужасные в это время года дороги, порывалась поехать со мною. Насилу удалось убедить ее дожждаться весны! И буквально через день по получении страшной вести я, провожаемый заплаканной супругой, прихватив с собою адъютанта Волконского и нескольких врачей Морского госпиталя, уже нёсся из Петербурга по направлению к Луге.

Дорога выдалась тяжёлой. Из-за спешки мы останавливались ночевать на обычных почтовых станциях, как и все прочие путешественники, страдая от холода, тараканов, клопов и переполненных, заледенелых станционных нужников. Но настоящее испытание ждало нас впереди: однажды, где-то на подъезде к Пскову, под вечер мы попали в такой туман, что ямщик сбился с дороги. На дороге вдруг пошли страшные, как их тут называют, «зажоры» - ямы, полные талой водой; в иные из них лошади проваливались по брюхо. Наш ямщик, Василий, к исходу дня был уже совершенно мокрый; иной раз сани целиком уходили под воду, и нам с Волконским, чтобы не нырнуть вместе с ними, приходилось вставать, придерживая друг друга, пока мы с горем пополам не выезжали из зажоры. Вдобавок, постоянно мела пурга, мокрые хлопья слепили глаза, и когда стемнело, дорога стала совсем не видна. Наши сани (я ехал с Волконским), во время очередного снежного заряда сбились с пути, и пошли далее целиною, тщетно надеясь выйти на дорогу вновь.

«Вот она – Россия!» - философски думал я, глядя в тьму, лишь слегка озаряемую тусклым светом небосвода, и с беспокойством ощущая, как постепенно замерзают промокшие насквозь ноги. «Какой бы ты ни был могущественный правитель, но стоит кучеру сбиться с пути, и вот ты уже на краю гибели». В памяти тут же начали вставать истории про путников, таким же образом сошедших с торной дороги и, заблудившись, просто замерзших вместе с ямщиком и лошадьми. Таких рассказов здесь слышал я немало, причём речь шла о непростых людях – богатых купцах или дворянах. А ведь с мокрыми ногами можно запросто схватить воспаление лёгких, которое само по себе очень редко проходит! И ладно я, с путешествующий с целым взводом докторов за спиною; а что делать вот такому вот промокшему насквозь Васе? Везёт он, скажем, плиточный чай по Сибирскому тракту, и попадает в такие «зажоры», а вокруг - ни одного доктора на тысячу вёрст... Стоит ли удивляться, что у нас такая высокая смертность?

- Слышишь, Василий, может, вернёмся по следу, да поищем дорогу? – спросил я кучера.

- Не сумлевайтесь, Ваше Величество, я ж направление знаю! Выйдем на дорогу, непременно! – с напускной самоуверенностью отвечал тот, совершенно меня не успокоив.

Между тем всё сильнее темнело, а лошади, идя по целине, выбивались из сил. Мы с Никитой Григорьевичем были встревожены и уже прикидывали, как будем ночевать прямо в поле, но тут Волконский воскликнул:

- Эй, Василий, постой-ка! Смотри, вон там, вроде бы блеснул огонёк?

Мы встали и принялись яростно глядеть в ночную тьму. Действительно, в разрывах снежных зарядов где-то вдалеке виднелся тусклый жёлтый свет, как будто кто-то поставил на подоконник свечу.

- Как думаешь, Василий, далеко до него? – спросил я.

- Должно, с полверсты будет! Господский дом, видно!

- Думаешь? – с надеждой спросил я.

- Конечно! Крестьянское оконце мы бы и заметить не смогли бы! – уверенно заявил ямщик.

- Ну, поехали тогда, с Богом! – произнёс я, надеясь на традиционное русское гостеприимство.

Вскоре мы увидели в облаке густого падающего снега очертания большой дворянской усадьбы. Юный Волконский, смущаясь, поднялся по заснеженным каменным ступеням и постучал. Ему не сразу открыли, и моему адъютанту пришлось довольно настойчиво барабанить в дверь. Наконец, блеснул свет в проёме, Никита Григорьевич что-то объяснил открывшей прислуге, и дверь до поры захлопнулась: видимо, слуга пошёл докладывать о случившемся своим господам.

- Никита, давайте не будем пока раскрывать моё инкогнито – попросил я Волконского. – Не стоит способствовать распространению слухов!

- Как же вас представить, Александр Павлович? – удивился тот.

- Ну, скажем, капитан Иванов! – выпалил я первую попавшуюся фамилию

- А имя?

- Ну, Александр Иванович!

- Слушаюсь, Ваше Вел...

- Цыц! Какое Величество?!

- Слушаюсь, капитан! – на новый манер, без «благородий», ответил Волконский и тут же принялся срывать с мундира свитский аксельбант и вензель, торопливо пряча знаки своей близости ко двору в карман шинели. Мне, к счастью, этого не требовалось – по примеру Иосифа Виссарионовича, любившего полувоенную форму, я ездил в морском мундире безо всяких знаков различия.

Наконец нам отворили, и мы смогли уйти с промозглого холода в тепло человеческого жилья. О, какое же это прекрасное чувство, когда, намерзнувшись на улице во тьме «волчьей ночи», приготовившись мысленно к самому скверному исходу, ты оказываешься вдруг в тепле, рядом с доброжелательными людьми! Нет, кто не бедствовал на русской дороге, тот не ведает счастья избавления!

Хозяином оказался военный, майорского чина, по фамилии Епишев, Григорий Александрович. Встретил он нас по-простому, в шлафроке. Дородная его супруга, Елизавета Тимофеевна, в розовом домашнем капоте*, представившись непрошеным гостям, отправилась тут же хлопотать насчёт ужина и чая; хозяин же первым делом проводил нас в отведённые помещения, дабы мы смогли скинуть, наконец, мокрую одежду и привести себя в порядок.

— Не взыщите, господа, — извиняющимся тоном произнёс майор, со свечой в руке возглавляя наше шествие и оборачиваясь на лестнице, отчего по стенам вокруг заплесали тени — но комната свободная у меня только одна. Вам будет постелено в бельэтаже, а господа медикусы заночуют в людской. Увы и ах, но это всё, чем могу выручить!

— Ничего, нам и то хорошо. Много лучше, чем ночевать на станции! — утешил его Волконский.

— Да уж... Раньше-то у нас другое было. А теперь одно крыло дома и не топим даже, дорого стало! — пояснил хозяин.

Действительно, на лестнице было очень прохладно. Левая половина дома буквально излучала ледяной холод, и лишь правая была жилой; лестница же, находящаяся посередине, оказалась местом, где в этом доме сталкивается «лёд и пламень».

— Устраивайтесь, и милости прошу пройти вниз, на чашку чаю! — напутствовал нас хозяин и оставил нас одних.

Комната оказалась небольшой, но приличной. Заспанный слуга принёс толстые пуховики; мы переоделись и вышли вниз, в просторную столовую.

Принесли чай в больших лужёных железных чайниках. Надо сказать, что самовары при Екатерине ещё не были в широком употреблении: использовали простые, разного размера чай-

ники, которые кипятили на спиртовых жаровеньках. Подали ароматный чай; я тотчас же узнал «Эрл Грей», введенный мною в обиход несколько лет назад.

— Очень вкусный чай нынче продают, вот, попробуйте! — добродушно потчевала нас Елизавета Тимофеевна.

— Да оставь, душа моя; неуж гости из Петербурга его не знают? — урезонивал супругу майор.

— А тебе почём знать, а? Может, и нет!

— Очень вкусный чай, и ароматный! — поспешил я с похвалою, не желая быть свидетелем супружеской размолвки по столь ничтожному поводу. — Не так давно ведь он появился, правда?

— Да, хоть что-то стало лучше! — печально вздохнула хозяйка, подливая нам ещё чаю.

— Да, раньше-то у нас по-другому было! — подтвердил отставной майор. — Богато жили, не чета теперешним временам! Дом этот строили — ведь никому не заплатили ни копейки — всё своими людьми! Дворни много было; обедали сам-тридцать, а за стулом каждого гостя стояло по слуге! Даже театр свой был! В день приезда сына со службы и в день ангела Елизаветы Тимофеевны у нас, за этим вот столом, разыгрывались и увертюры, и целые симфонии старинных опер; и порядочно ведь разыгрывали!

— Что же делали все эти люди, когда не было ни представлений, ни гостей? — удивился я.

— Да уж находили, батюшка, чем их занять; без дела никто не сидел! — уверила меня майорша. — Носки шерстяные вязали, перчатки; бельё штопали — да мало ли по дому дел!

Я мысленно только вздохнул. Крепостные музыканты и артисты большую часть своей жизни у них, как старее бабки, вязали носки, и хозяева — милые, в общем-то люди, — считали это нормальным. Интересно, что ответили бы представители этих профессий в 21-м веке, предложи им кто-то из антрепренеров подобный удел?

Тем временем подали ужин, составлявший смесь «французского с нижегородским», да еще и усугублённую требованиями «Великого поста»: пшённую кашу с черносливом, соте, галантин, гречневую кашу на прованском масле, кулебяку с капустой и грибами. Окончив ужин, прошли в гостиную, где снова подали чай, с вареньем из непонятной ягоды на блюдечке. Пришли две хорошенькие, свежие девушки в муслиновых платьях, хозяйские дочери — одна лет 16-ти, другая помладше. Старшая поначалу стреляла глазками в мою сторону, но затем, видимо, заметив венчальное кольцо, переключилась на Волконского.

— А сын ваш где служит? — поддерживая беседу, спросил я хозяев.

— Поручиком в Углицком полку! Стоят теперь где-то в Восточной Пруссии — с гордостью сообщил хозяин.

— Участвовал в деле? — спросил я, припоминая, что часть эта побывала в самом пекле боёв.

— Да, и при Ружанах, и затем, под Лёбусом. Писал нам, что очень жаркое было дело!

— Мы едем как раз в те места. Ежели желаете, можете с нами что-нибудь ему передать! — сообразил предложить им Волконский.

— Ой, слава Богу! Очень обяжете! — всплеснула руками хозяйка и бросилась собирать посылку.

Утром, добротню позавтракав, мы стали собираться в путь. Пока запрягали наших лошадей, я решил прогуляться до деревни, видневшейся неподалёку. Узкой, петлявшей среди сугробов снежной тропинкой я прошёл через запущенный, испещрённый заячьими следами господский сад, войдя в заснеженное, сонное селение. Покосившиеся избы, казалось, утопали в сугробах; из-под тёмных, крытых дранкою крыш лениво вытекал сизый печной дым. У здорового дровяного сарая невысокий чернявый мужичок с красным, картошкой носом, готовил дровни, собираясь куда-то ехать.

— Эй, почтенный! Как ваше селение зовётся? — подходя поближе, окликнул его я.

Тот неторопливо заткнул за широкий кушак топор и, осмотрев меня с головы до ног, степенно произнёс:

— Здравствуй, господин хороший! Селенье называется наше «Углы», а почему так — никто уже и не помнит. Вроде бы, поселили тут когда-то пленных литвинов, выделили им, значит, угол — вот и зовёмся теперь мы «Углами»!

— Понятно. Хорошо ли живёте-то?

— Да где наш брат хорошо живёт? Везде трудно. Но ладно, хоть барщины теперь нет — оброк платишь, да и всё. Оченно это нам нравится! — охотно ответил мужик. — Вообще, посвободнее как-то стало. Мужики у нас многие в СантПитерхсбурх теперя ездют, на заводы, на стройки... Кто-то на постройку дорог вербуетеся — за неделю заработаешь на оброк себе, и дальше — гуляй, как хочешь! Один в Питере Билжу строит — такие чудеса плетёт — просто страсть! Баит, паровые махины им и тяжесть всякую понимают, и землю роют, и по воде плавают... У нас мужики, конечно, не верят. Но деньгу он из Питера добрую привозит, тут нечего сказать!

— Понятно. Ну, Бог в помощь!

— И вам, барин, не хворать! — откликнулся мужик и отвернулся, возвращаясь к своим дровням.

«Ну, ладно, хоть кому-то полегче стало» — подумал я, возвращаясь обратно, где меня уже ждали готовые тронутся в путь спутники.

Оставив семейство Епишевых в их Углах, поутру мы тронулись в путь. Погода снова изменилась, подморозило, и проклятые дорожные лужи замёрзли. К концу дня покинув Псковскую губернию, мы оказались в Лифляндии. До того я ни разу не был в Прибалтике и ожидал, что картина вокруг сразу же сильно изменится, а вместо тёмных, часто покосившихся изб я увижу по сторонам приличные каменные фольварки. Но увы, лифляндские мужики оказались, не сильно богаче псковских, и тёмные, крытые соломою срубы заменились на точно такие же, невзрачные и покосившиеся, только крытые камышом.

Проехав Ригу и Шавли, мы оказались в Тильзите, где нас встретили российский генерал-губернатор Восточной Пруссии Михаил Богданович Барклай-де-Толли, и два эскадрона нижегородских драгун. Дальше до Кенигсберга мы ехали с конвоем: местные немцы, конечно, вели себя смирно, но шанс попасть в пути на шайку дезертиров никак нельзя было исключить. Двигаясь почти что берегом моря, мы ощущали его тепло и сырость: проклятые «зажоры» так надоели нам, что я пересел в седло и последние сто вёрст до Кенигсберга проделал верхом, благодаря Господа за предоставленный в моё безраздельное пользование крепкий молодой организм. Это решение чуть не сыграло со мной злую шутку: мне дали буланого, прекрасной стати, жеребца, что всем был хорош, кроме одной мелочи: у него не было на подковах шипов; и вот, оказавшись на заледенелом косогоре, мы вместе с конём грохнулись в кювет. К счастью, дело обошлось одним ушибом бедра; а ведь в пути бывает по-разному!

Прямо скажу, к исходу этого двухтысячевёрстного пути я был страшно измотан. Но всё однажды заканчивается; и вот, хмурым мартовским утром мы, наконец-то, въехали в Кенигсберг.

Суворов медленно умирал в доме генерала Михаила Богдановича Барклай-де-Толли. Тяжёлый марш к полю боя возле Лебуса, когда Александр Васильевич, не жалея себя, в одной каразейной курточке метался вдоль колонн, подгоняя свои усталые полки на битву с герцогом Брауншвейгским, оказался роковым — на второй день от победы Суворов свалился с тяжелейшей болезнью.

Прибыв, наконец, в Кенигсберг, я первым делом бросился к нему и застал Александра Васильевича в постели. Он был очень слаб, то и дело впадал в обмороки, на что местные доктора тёрли ему виски спиртом и давали нюхательные соли. Пришедши в память, он взглянул на меня; о в гениальных глазах его уже не блестел прежний огонь, а тело казалось ссохшимся и съёженным. Кроме сильного кашля, у него началась какая-то кожная болезнь, по телу пошли сыпь, пузыри и нарывы, что для чистоплотного и тщательно следившего за собой Суворова было подлинной мукой. Он долго вглядывался в меня, будто стараясь узнать; потом произнёс:

— А! Это ты, Саша! Здравствуй! — и замолчал. Минуту спустя он опять взглянул на меня и меланхолично вымолвил:

— Горе мне! Чистейшее мое многих смертных тело во гноище лежит! Горе, Саша...

— Александр Васильевич, ну что же вы, батенька, так себя распустили? Но вы мне скажите, — ужели вы твёрдо решились помирать? Ведь столько интересного ещё впереди — и войны, и внуки, и новые, невероятные события! Наташа вновь беременна — вы слышали? Нет? Ну вот! Мы с Наташей уж хотели вам вторым внуком поклониться, порадовать, а вы вот так вот...

В мутных глазах полководца блеснула искорка интереса.

— Второй ребёночек будет? Вот как славно-то... Я-то, видишь, манкировал святым долгом плодиться и ...

Тут он закашлялся; доктор поднёс ему какую-то пилюлю, подхватил под его сухопарое тело плечи, будто это могло хоть как-то помочь. Наконец, приступ прошёл, и Суворов, тяжело дыша, продолжил:

— И когда ожидаете пополнения?

— Летом; говорят, в июне. Будет тепло, и всё будет цвести... Прекрасное время, чтобы отметить рождение второго внука, ну или внучки!

Суворов мечтательно улыбнулся, а его глаза вновь наполнились знакомой мне глубокой синевой.

— Оставайтесь с нами! Впереди ещё столько прекрасных дней! Многое уже вами сделано; но сколь многое предстоит сделать!

Суворов как будто даже обиделся.

— Ну что ты заладил, будто я по своей воле *туда* собрался? Тяжело мне. Но внука али внучку хотел бы увидеть, да... Хотел бы! Да только что поделать, зять мой незабвенный? Все там будем; верно, пришёл теперь и мой срок!

Затем, вновь помолчав, бросил взгляд на образа в углу комнаты и продолжил:

— Знаешь; волнуясь, боюсь я пред встречей с *Ним*! В жизни довелось мне проливать целые потоки крови: и содрогаюсь я теперь от одного о том поминания! А между тем, Саша, я ведь ближнего своего люблю! Что *Он* скажет мне на это?

Затем, отвернув голову к стене, покойным голосом продолжил:

— И ты, дорогой мой, подумай о собственной будущности. Ты в этой войне победил, молодец... Только не стоило бы тебе к этакому привыкать! Береги кровь сограждан; не проливай её ради одной лишь славы.... Не стоит оно того! Да и чужая-то кровь, тоже, знаешь, не вода...

И мечтательный взгляд его закатился в забытие.

Я, наконец вышел вон, и тут же набросился на толпившихся у двери докторов.

— Что с ним? Почему не проводите радикального лечения?

Помявшись, один из них доложил:

— Графа изнуряет весьма высокая температура, бывает забытьё, бред. На старых ранах полученных ещё при прежних делах, открылись теперь язвы. Имеются подозрения на заражение крови...

— Какое ещё заражение? О чём вы?

— Ваше величество, на ноге генерал-фельдмаршала открылись язвы, и происходят газобразные выделения, содержащие сильнейшие миазмы!

Такие новости мне крайне не понравились.

— Давайте-ка посмотрим! Господа, прошу вас взяться за дело! — последние слова я обратил к медикам, приехавшим с нами из Петербурга.

Пока Суворова приводили в чувство, доктора осмотрели его ногу. Стопа правой ноги действительно выглядела скверно — раздутая, покрытая чёрными пятнами, она источала какое-то очень нехорошее зловоние.

— Что думаете, господа? Гангрена? — с тревогой спросил я врачей.

— Судя по всем признакам, да, причём быстротекущая! — произнёс один из учеников доктора Самойловича.

Так-так-так... Похоже, у тестя началась газовая гангрена стопы. Это та самая нога, в которую по вине денщика он засадил иглу и с тех пор хромал на правую ногу. Через столько лет (а иглу эту он получил ещё под Измаилом), неумолимая смерть берёт своё!

— Но есть же ещё надежда? Вы умеете выполнять общий наркоз?

— Да, среди нас есть анестезиолог, но...

— Так делайте ампутацию! Немедленно! Дело не ждёт — гангрена такого типа развивается стремительно!

Тотчас же началась суета: выбрали светлую комнату для операции, готовили операционный стол, в дом вносили громоздкое анестезионное оборудование.

— Что это? — подозрительно спросил очнувшийся Суворов, с сомнением глядя на здоровенные цилиндрические меха для масочного наддува.

— Это устройство для уменьшения боли. Вам надо будет заснуть, и операцию выполнят во сне — объяснил я.

— Пустое! — покачал головой Александр Васильевич. — Много чести! Прикажи налить водки, да и вся недолга!

— Водки тоже можно, но наркоз всё равно надобно применить. Уж очень вы сейчас слабы, Александр Васильевич! — не послушал его я.

— Ну, Саша, ты по службе старший; вынужден подчиниться! — тут же присмирел генерал-фельдмаршал.

Возник вопрос, кто именно будет резать. Приехавшие со мною доктора собрались вокруг постели, не смея взять на себя ответственность за такое сложное и важное дело. Несмотря на молодость, это были лучшие умы и руки нашего медицинского ведомства, обученные самым последним методикам, в том числе — применению эфира. Но груз ответственности безжалостно давил на них — как взяться за такое дело в присутствии самого императора?

Суворов, взглянув на них, быстро развеял все сомнения.

— Вот ты! Подойди ко мне! — приказал он, глазами указав на молодого хирурга, белокурого, с нежно-розовой, как у девушки, кожей. — Как тебя зовут?

— Алексей Прокофьевич Крашенинников! — зарделся юноша.

— У тебя доброе лицо. Ты и будешь меня резать! — приказал Александр Васильевич и вновь впал в забытье.

Через два часа Суворову сделали ампутацию: правую ногу отняли по колено. Подготовка к операции происходила под моим присмотром: весь инструмент тщательно прокипятили, Суворову сделали эфирный наркоз, несмотря на то, что сам он просил только водки. Я особо волновался за наркоз: применение эфира довольно сложное дело. Аппарат для наркоза состоял из резиновой маски, трубкой соединённой с мехами; в них подаётся воздух с парами эфира, испаряющимися со специального широкого блюда. ме

Александр Васильевич с трудом перенёс операцию. Несколько дней он был между жизнью и смертью. Во время ухудшения состояния Суворов метался в лихорадке, повторяя в бреду: «Измаил! Сражение! Вперёд!»

Порой болезнь на шаг отступала — и Суворова поднимали с постели, усаживали в кресло, которое на колёсах бережно катали по комнате. Через несколько дней он даже возобновлял занятия турецким языком, тренируя память, и беседовал с присутствовавшими при нём офицерами о политике.

Лишь к маю ему удалось более-менее оклематься. Весною беременная Наташа приехала к нему и не отходила от постели; так что второй мой сын, Михаил, родился в Кенигсберге.

* капот - не приталенное домашнее платье.

Глава 5

Джордж Броммел, изобретатель дендизма и самый первый денди в мире, известный также как «Счастличик» Броммел, юный красавчик, хлыщ и наглец, проснулся как обычно, после обеда, с совершенно чугунной головой. Всё тело бедняги ломило, как после жестокого избиения, а во рту его будто переночевал 10-й Собственный Принца Уэльского драгунский полк в полном составе. Настоящий ад для тонко организованной личности, к числу коих этот юный джентльмен без колебаний себя причислял!

-Ооооо! — страдальчески протянул Броммел, закидывая затёкшую за ночь руку на левую сторону своей постели, и, никого там не нащупав, немного успокоился. По крайней мере, он не обязан был следить за соблюдением благопристойности перед дамой, а значит, мог вести себя соответственно сложившимся плачевным обстоятельствам.

— Ооооо! Проклятый кальвадос! Лягушатники придумали его нам на погибель... Или бренди всему виной? — горестно стонал он, нащупывая шнурок звонка. Найдя его, наконец, среди беспорядочно взбитых подушек, он изо всех сил дважды дёрнул его, но чёртов слуга не спешил появляться.

— Чарли, где ты там! Я умираю! Ты останешься без жалования за два месяца, бездельник! — продолжала сетовать жертва Бахуса, вновь и вновь дёргая за шнурок звонка; но лишь через несколько минут раздались шаги и, к несказанному облегчению Броммела, в его спальню наконец-то вошёл Чарли Кингстон - лакей, мажордом, метрдотель и прислуга за всё.

— Сударь, я иногда думаю, что карточная игра у Паркера — это такой принятый у некоторых юных джентльменов своеобразный способ нализаться вхлам! — неодобрительно проворчал он, протягивая Броммелу чашку горячего грога.

Бо отхлебнул немного адского пойла и, скривившись, с отвращением вернул стакан слуге.

— Чарли, сколько раз тебе говорить — не надо подавать мне эту матросскую дрянь! Если ты искренен в намерении помочь своему хозяину в его бедственном состоянии — принеси бутылку холодного портера, а лучше того — Pottier-Jouët!

— Если бы он у нас хоть где-нибудь был, этот самый Перье, всенепременно принёс бы его вам, сэр! Однако, во всём доме есть лишь полбутылки рома, да и то — моего личного рома, сэр! Так что на вашем месте я не стал бы воротить нос!

Вздохнув, юноша сделал ещё пару глотков, и, как ни странно, почувствовал себя лучше.

— Ладно, Чарли. Твоя верность впечатляет! Когда принц Уэльский сделает меня премьер-министром, ты непременно станешь камердинером Кенсингтонского дворца, а может быть, — как знать — даже получишь рыцарский титул! А сейчас ступай, и распорядись насчёт завтрака. Ничто так не прочищает мозги, как добрый английский бекон!

— Не помочь ли вам одеться, сэр?! — участливо спросил слуга, забирая остатки грога.

— Ну что ты! Ты же знаешь, я всегда одеваюсь сам!

— В таком-то состоянии? Ну, дело ваше, сударь! — голосом, в котором сквозила глубочайшее чувство покорности Фортуне, произнёс слуга и пошкандыбал на кухню — распорядиться о завтраке и без помех допить остатки своего ядрёного зелья.

Оставшись один, Бо Броммел занялся своим туалетом, и, несмотря на обстоятельства, вполне в этом преуспел. Одежда, придуманная им самостоятельно, составляла предмет искренней гордости Броммела. Её утончённо-простой стиль настолько отличался от всего, созданного франтами былых времён — с париками, фестонами, драгоценными пуговицами и пряжками, обилием кружев и золотого шитья — что для его описания понадобилось изобрести новое слово. *Дендизм*.

Этот юный щёголь чувствовал красоту так, как это дано лишь истинным художникам. Своё восхождение на модный Олимп юный Браммел начал ещё в Итоне, где придуманный

им способ завязывания галстука с добавлением к нему золотого зажима произвёл настоящий фурор. Там же, в престижной закрытой школе, судьба свела его с принцем Уэльским — будущим королём Георгом IV. И наследник престола был совершенно очарован! Он тоже был большим поклонником красоты, причём восхищался как красивыми женщинами, так и элегантными мужчинами. Браммел был прекрасно сложен и при этом отличался живостью ума, безупречностью манер и искромётностью юмора, а ещё, — исключительной тонкостью вкуса к одежде.

И вскоре принц и мистер Браммел стали неразлучными друзьями. По предложению своего высокопоставленного приятеля Джордж покинул Оксфорд и стал корнетом в 10-м драгунском полку, шефом которого был принц Уэльский. Служба в этой элитной воинской части, где рядом с ним находились сыновья герцогов, давала ему, внуку лакея, всё то о чём он так мечтал — знакомства, связи, и доступ в самые лучшие круги лондонского общества.

Разумеется, с такими знакомствами армейская карьера Браммела протекала с головокружительной быстротой; однако, пройдя за 3 года путь от корнета до капитана, Джордж тотчас же оставил службу, лишь только прошёл слух, что полк собираются перевести в Манчестер. И, поселившись наконец-то здесь — в доме на Честерфилд-стрит, он увлёкся экспериментами с фасонами и тканями, результаты которых стали далёкими предвестниками многомиллиардной индустрии мужской моды.

Утренний туалет Броммела был прост и элегантен. Натянув лосины оленей кожи, мягкие сапоги с отворотами, а также неременный синий фрак и тёмно-жёлтый жилет, и, затратив на это каких-то десять минут (смехотворно мало по меркам 18 века), Бо, перепрыгивая через ступеньки, спустился вниз, в столовую.

Здесь на серебряном блюде (элегантность... элегантность во всём!) его уже ожидал традиционный английский завтрак: поджаренные колбаски, бекон, яичница и тосты. И случилось маленькое чудо: простая, но добрая пища, прекрасно приготовленная руками верного Кингстона, в сочетании с глотком дешёвого матросского пойла вернул юного господина к жизни, заставив симптомы похмелья отступить.

— Ах, Чарли, вы спасли меня! — благодушно сообщил Бо, откидываясь на спинку изящного «виндзорского» стула. — Лишь об одном я сейчас сожалею — что плачу вам недостаточно для того, чтобы вы перешли на приличные напитки! Право, вы так часто меня выручаете, что мне стоило бы обратить на это внимание!

— Сударь, нет ничего проще! Только скажите одну фразу: «Кингстон, с этого дня твоё содержание удваивается», и ваши угрызения совести тут же канут в Лету, ну а я непременно запасусь для вас бутылочкой этого самого «Перье»! — тут же произнёс слуга голосом, в котором сарказм перемежался с надеждой.

— Увы, мой друг — виновато улыбнулся господин, — но столь простое решение сегодня мне не по карману. Вот когда меня назначат премьер-министром...

— Так может быть, до этого светлого дня, для начала, немного сократить расходы? Ведь вам совершенно не обязательно снимать дом в таком дорогом районе? — с нехарактерной для английских слуг фамильярностью спросил Кингстон. — Эта самая Честерфилд-стрит — самая дорогостоящая улица для найма! Вместилище пороков, рай для развратников, любопытных, всякого рода пустомель и шелкопёров!

— Ну вот видишь, Чарли, как ты здорово объяснил сейчас, почему я проживаю именно на Честерфилд-стрит! — добродушно рассмеялся Бо.

Вдруг в глубине прихожей раздался явственный звон колокольчика, прервавший традиционную утреннюю пикировку господина и слуги.

— Вы ждёте визитёров, сэр? — чуть приподняв с сомнением бровь, вежливо осведомился Кингстон, однако, взглянув на Броммела, тотчас же понял, что для его хозяина всё происходящее — такая же неожиданность, как и для него самого.

— Как ты можешь подумать такое обо мне? — возмущённо воскликнул Джордж. — Все мои знакомые — приличные люди, и знают, когда следует наносить визиты... Должно быть, это один из тех празднующихся гуляк, что повадились наблюдать за моим утренним туалетом.* Знаешь что - гони-ка его в шею; передай, что Бо Броммел уже на ногах и полностью одет!

Слуга с поклоном удалился, а Джордж с раздражением сам налил себе чай. Ему очень нравилась новая русская марка «Эрл Грей» с капелькой бергамотового масла, хотя то обстоятельство, что пить его следовало без молока, до сих пор повергало Бо в лёгкий ступор.

«Странные люди эти русские» — невольно подумал он. — Владеют половиной земной суши, но упорно лезут в океан; пасут на этой своей земле миллионы коров, но чай пьют почему-то с лимоном. Как будто в этой России растут лимоны!».

Его размышления прервали мягкие шаги слуги.

— К вам дама, сэр! — значительным голосом сообщил он. — Изволите просить?

В голове Бо тут же защёлкал невидимый счётчик.

«Это Молли? Ааа, чёрт, когда у нас было дело... Недели три тому? Ооооо, God damn, неужели стрела попала в цель? И почему я тогда не догадался доставить свою посылку с чёрного хода?

— Это не мисс Уинфилд? — наконец спросил он у Чарльза.

От слуги не укрылось волнение хозяина.

— Это совершенно незнакомая дама, сэр! — умело скрывая усмешку, произнёс он. — И, кажется, иностранка.

Бо уже совершенно не понимал, что происходит.

— Странный выбор времени для визита, не находишь, Чарли? Я бы понял, будь это вечернее время, но сейчас... Впрочем, проси! — решив, наконец, не терзаться догадками и сомнениями, произнёс он.

Слуга удалился, и буквально тотчас же на лестнице агрессивно зашуршало дорогое парчовое платье. Вошедшая молодая дама с пышными пепельными волосами решительно и определённо была Бо не знакома. Да и лицо у нее было какое-то... неанглийское, что ли. Однако языком она владела просто великолепно, что незамедлительно и продемонстрировала.

— Вы — Джордж Браммел? — полуутвердительно, полувопросительно произнесла она, рассеянно и бегло осматривая помещение.

— Да, сударыня, это я, — вежливо, но, впрочем, без особого пиетета отвечал Браммел, даже не встав из-за стола. По каким-то своим причинам (вероятнее всего, по деталям костюма своей посетительницы), он определил свою раннюю визитёршу как «даму полусвета» и вёл себя поэтому с непривычной развязностью. — на самом деле, сударыня, я не знаток женского костюма. Однако, мог бы оценить некоторые предметы вашего туалета... если вы понимаете, что я имею в виду!

Серые глаза дамы в упор уставились на него.

— К несчастью, да, понимаю. Но решительно возражаю! По имеющимся у меня данным, вы совершенно ничего не понимаете в женском костюме! Нет, речь совсем о другом.

— Ну что же, присаживайтесь, пожалуйста... Чарли, дай даме стул... Итак, чем обязан?

Дама слегка приподняла брови, будто бы делая собеседнику скидку на его ребячливость и молодость.

— Вы — прекрасный «стилист», — как по написанному, затараторила дама, — специалист в сфере мужской моды. Я — Ольга Жеребцофф, посол Российской Империи и представитель компании "Русский дом"...

— Что, простите? «Посол»?

Казалось, Бо Броммеля от изумления сейчас хватит удар.

— Компания «Русский дом»? Вы *посол России*, и одновременно — *торговый представитель*?

Мадам Жеребцофф с честью выдержала этот полный недоверия вопрос.

— Именно. Император Александр отличается невероятной широтой взглядов! Так вот, компания «Русский дом», которую я здесь представляю, имеет намерение получать у вас профессиональные консультации, за, скажем, небольшую сумму в 2000 фунтов в год...

На этой фразе Бо Броммел оторопел окончательно. Всё его унаследованное от отца состояние не превышало 30 тысяч фунтов, и, несмотря на скромные расходы, разлеталось со скоростью ураганного ветра. Бо уже сократил выезд до двух лошадей, сильно урезал штат прислуги и накладные расходы. Но всё равно его страсть к хорошей одежде не позволяла свести концы с концами.

— О, ваша компания рвётся к успеху! — наконец ответил он, криво улыбаясь и стараясь ничем не выдать охватившего его волнения.

— Несомненно! А ещё вы имеете вес в глазах принца Уэльского. Это, несомненно, дорогого стоит! Было бы славно, если бы мы объединили усилия: мы предоставляем вам самые лучшие ткани, а вы предлагаете их вниманию Его Высочества... и всего лондонского света, разумеется. Вместе мы изменим эту страну, да и весь мир, наверное, тоже! Что вы об этом думаете?

На самом деле Джордж «Бо» Броммел думал, что это прекрасная, чёрт побери, идея; но он ведь родился в стране торгашей и никак не мог согласиться с ней сразу!

- Полагаю, милая леди, что вы явно недооцениваете мои способности, и, в особенности, мою ценность как вашего представителя в высших кругах Лондона! О нет, леди, двумя тысячами фунтов тут явно не обойдётся! - хвастливо произнес он, развязно закидывая ногу за ногу.

- Ну, нет! - сразу же остудила его пыл мадам Жеребцова. - Чтобы получить большее, вам придётся обеспечить большую отдачу. Например, если вы обеспечите нам прямые контракты в качестве поставщика двора его высочества Принца Уэльского, то можете рассчитывать на известный процент...

- Дорогуша, ну, это в корне меняет дело! — и Броммел, чьё сердце уж было рухнуло куда-то к пяткам, когда он слышал «ну нет», тут же расплылся в сладчайшей улыбке. - Поверьте мне: я обеспечу вам наивыгоднейшие контракты с принцем! Вот увидите - я просто выю из этого толстяка верёвки!

- Отлично! — холодно отвечала прекрасная леди, - Ещё вот что: вы, конечно, этого не знаете, но интересы нашей компании не ограничиваются только лишь тканями. Отнюдь, мы продаём решительно всё, - предметы интерьера, гардины и портьеры, готовую одежду и обувь, галантерею, мебель, экипажи, книги, ковры, посуду, отделочные материалы, и многое, многое другое. И всё это, как Данте в аду, нуждается в своём Вергилии, если вы понимаете, что я имею в виду.

- То есть вы предлагаете мне...

- Да. Рекламирывать всё это!

- Но я не смогу продвигать товары, которые мне не нравятся!

- Так займёмся же этим! Вы прекрасный стилист — давайте создавать красивые вещи! Ну а что-то... Что-то вам придётся полюбить самому и влюбить в это весь Лондон!

- Прекрасно, сударыня! — с жаром воскликнул молодой человек. - Я вижу гигантские перспективы в наших взаимоотношениях!

- Прекрасно! И ещё вот что: этот ваш толстый друг - принц Уэльский... Я бы хотела быть представленной ему! И более того, я бы хотела знать, что может ему понравиться в женщине. Если вы конечно понимаете о чём я!

Несколько мгновений Бо Броммел просто тупо смотрел на эту мадам. Ну надо же, какова наглость! Да она, оказывается, метит *очень* высоко! Но две тысячи фунтов ежегодного жалования не позволяли ему иного ответа, кроме учтивого:

- Я непременно проинформирую вас обо всех деталях вкусовых предпочтений принца, мадам!

- Ну вот и славно! Завтра вас посетит мистер Уткин, с которым вы обсудите детали нашей дальнейшей работы. А я жду от вас записочку с сообщением о приглашении меня на приём с участием принца. Можете прислать прямо в русское посольство. Адью, мисте Броммел!

И, покровительственно похлопав юношу по плечу веером, дама с царственным видом покинула его жилище.

Первым делом Бо, разумеется, навёл о своей таинственной посетительнице справки. Впрочем, «навёл» — это не совсем точное определение: стоило ему выбраться в свет, как его буквально засыпали сведениями об Ольге А. Жеребцовой, «которую русский царь, вы представляете, прислал теперь своим представителем, как будто женщина способна представлять что-то большее, чем крой изящного лифа». Никто не мог понять этого жеста правителя далёкой северной страны — то ли он насмеялся таким образом над Сент-Джеймским дворцом, то ли это было очередное проявление его непомерного либерализма. Но так или иначе, дама оказалась самым настоящим послом, и прежний посланник — элегантный Симон Воронцофф, считавшийся лондонским светом «почти англичанином», уже передал ей свой кабинет и все документы.

Так что 2 тысячи фунтов в год оказались вполне себе реальны и достижимы!

Осознав это, Бо пунктуально встретился с названным госпожой «мистером Уткиным» и, вникнув в суть бизнеса Русского дома и свой роли в нём, через некоторых некоторое время развернул бурную деятельность.

Его задачей была разработка фасонов и моделей (тут Броммела не надо было обучать — он буквально жил этим), а также устройство пиар-компаний по продвижению нужных товаров.

И начал он с самого простого: личной презентации. К нему и ранее набивались друзья и знакомые просто на «посмотреть» как он утром облачается в свой костюм; теперь же он сделал и этого настоящее шоу. Утренний ритуал превращения обычного мужчины в эталон вкуса занимал 2 часа и становился светским событием типа театральных представлений, собирая в будуаре Броммела восхищённых зрителей и поклонников. Юноша считал, что хороший вкус и элегантность начинается с чистого тела, и проповедовал ежедневное мытьё в ванной, что по тем временам считалось весьма эксцентричным поведением.

Тогда ванны были далеко не у всех, и принимать их совсем не считалось нормой. В XVIII веке бытовало представление, что очищение тела происходит не благодаря мытью, а за счёт выделения пота; так что популярность в те времена плотных шерстяных тканей объяснялось во многом их способностью обеспечивать непрерывные потоотделение, а значит, они гарантировали их носителю отменное здоровье!

Ещё одним забавным поверьем было то, что холодная вода якобы полезнее горячей: считалось, что горячая вода вызывает шок у организма, открывая дорогу всяческим болезням. Однако же, в отличие от множества других джентльменов Броммел чистил зубы, брился и мылся ежедневно.

Частота была одним из слагаемых его кодекса мужской моды. Красавчик Броммел менял свои сорочки трижды в день, а грязное бельё отправлял на стирку за город, где солнце придавало ему белизну, а свежий воздух — неповторимый аромат. И оно Активнейшим образом стал пропагандировать ванны, сантехнику, душистое мыло и различные товары для гигиены, продававшиеся русской компанией.

Безупречные наряды первого денди Лондона стали результатом продуманного до мелочей и до блеска отшлифованного стиля, но при этом были относительно недороги, смотрелись просто и совершенно непринуждённо. Его утренний туалет составляли невысокие ботфорты либо сапоги с отворотами, узкие брюки со штрипками либо лосины из оленьей кожи, а также — неременный синий фрак и тёмно-жёлтый жилет. Вечерний туалет был чуть сложнее: он надевал тот же фрак, белый жилет, чёрные узкие брюки, шёлковые чулки в полоску и склад-

ной цилиндр. А главный атрибутом этого модника являлся накрахмаленный льняной галстук обязательно белого цвета.

Галстуки того времени по конструкции были довольно просты и представляли собою впечатляющих размеров льняное полотнище в один фут на пять футов, которое оборачивалось вокруг шеи несколько раз и завязывалось узлом. Дело это было совсем непростым: при небрежном повязывании эта штука выглядела ничуть не лучше обыкновенной тряпки. Браммел решил эту проблему с помощью небольшого количества крахмала; кроме того, при одевании, чтобы добиться безупречной небрежных складок он откидывал голову назад, затем обматывал галстук вокруг шеи и опускал подбородок очень медленно, пока накрахмаленный лён не складывался в идеальную гармошку. Ну если хоть одна складка оказывалась далека от совершенства — галстук летел на пол, а из внушительной стопки доставался другой. И хотя Браммел никогда не делал секрета из своей методики завязывания галстука, никому пока не удавалось повторить его достижение.

Искусство кройки и шитья было для него величайшим из искусств. Броммел был настолько щепетилён в вопросах покроя своих перчаток, что поручал пошив больших пальцев одному мастеру, а всего остального — другому. С его помощью специалисты компании Русский дом разработали такие модели и способы изготовления перчаток, что при массовом фабричном производстве они смотрелись как сделанные на заказ. Работая с лучшими лондонскими портными, Боизобрёл и ввёл в обиход комплекс более удобной и практичной мужской одежды изящных элегантных линий и спокойных оттенков, идеально скроенных и сшитых из лучших материалов. По сути он стал создателем современного делового мужского костюма.

Вскоре компания Русский дом выпустила серию галстуков новой формы из атласной ткани, и Бо Браммел благополучно перешёл на них. Надо отдать ему должное, как пиарщику: это был талантливейший человек, непревзойдённый в вопросах продвижения модных идей. Ему удалось создать вокруг этих мужских аксессуаров целую истерию: вскоре в Лондоне возник натуральный культ новых галстуков, некоторые из которых продавались по 50, 80, а то и по 100 фунтов за штуку. Зачем Бо переключился на пиар изящнейших носовых платков самый совершенной формы, с тончайшей вышивкой и хорошенькой бахромой по краям. Тёмно-синие фраки уступили место чёрным, потом — фракам цвета винной бутылки, затем тёмно-красным и, наконец, сиреневым; стоит ли спрашивать, кто каждый раз выступал застрельщиком нового стиля?

Обязательным спутником «Красавчика» была табакерка: у него была целая коллекция в настоящих модников бы имелись табакерки и на все случаи жизни и ко всем нарядам, а у некоторых и вовсе по одной на каждый день в году. Даже в этом у Броммела был свой стиль — он всегда носил табакерку в руке, чтобы она не оттягивала карман фрака и не сказала таким образом его безупречных линий. Крышку свою табакерки он всегда открывал одним большим пальцем левой руки, в чём ему подражал сам принц Георг. Надо ли говорить, что одним из крупнейших поставщиков таких табакерок самого разного вида — малахитовых, украшенных ростовской финифтью, пластинками моржового клыка или ценным тропическим деревом — стала фабрика петербургского придворного ювелира Араужио?

Уже вскоре Бо Броммел, ставший настоящим идиолом мужской моды, совершенно завладел мыслями принца. Он превратился в строгого ментора наследника престола, его образец для подражания и проводник в мире моды и хорошего вкуса, на равных держась со столь высокопоставленной особой.

И разумеется, он сообщил Жеребцовой о предпочтениях принца решительно всё, что только знал...

* - Джордж Броммел устраивал из процедуры своего утреннего одевания представления для публики, пропагандируя изобретённые им предметы туалета.

Глава 6

— Гретхен! Эй, Гретхен! Да ты отзовёшься уже, старая карга?

— Чего тебе? — раздался на кухне сварливый голос старой кухарки.

— Хозяин приказал прислать ему бутылку портера! Давай, я отнесу!

— Чего?

От изумления Гретхен, долговязая фрау с тяжеловесным, типично немецким лицом и совершенно необъятным задом, распрямила сутулую спину, и, опершись на ухват, уставилась на вломившегося на её кухню слугу.

— Мартин, да ты в уме ли? С какой это стати профессор будет приказывать присылать ему эту заморскую дрянью, да ещё и так рано утром? Я чаю, врешь ты мне?!

Мартин Лампе, пожилой слуга, с кустистыми пышными бровями соломенного цвета и того же цвета растрепанной шевелюрой аж затрясся и покраснел с досады.

— Да как так? да чтобы я... да ни в жизнь!

— Конечно-конечно! А шнапс из рюмки, что не допил профессор третьего дня — её что же, мухи выдули?!

Такие перепалки, увы, происходили у них регулярно. Слуги жили в доме профессора уже много лет, и каждый прекрасно знал, что и как надо сказать другому, чтобы достичь своей цели. Лампе настаивал, старая Гретхен возражала; но после нескольких минут препирательства чувство долга взяло своё, и кухарка, достав из-под необъятных юбок небольшой, с хитрыми выступами на бородке ключ, открыла огромный дубовый сервант, достала оттуда последнюю бутылку портера и, обтерев её от звездчатой мелкой пыли передником, тяжело переваливаясь, направилась к лестнице.

— Ну зачем тебе самой-то трудиться, Гретхен! — недоумённо пробурчал Мартин, с неудовольствием наблюдая за её намерениями. — Я бы сам отнёс!

— Нет уж. Старую ворону тебе не поймать, Мартин! Я вот сейчас поднимусь и спрошу профессора, правда ли он просит портера в семь утра; и ежели он ответит, что нет — придётся тебе кое-что мне объяснить!

— Ну, как желаешь! — с достоинством и обидой произнёс Лампе, демонстративно скрестив руки на груди.

Охая и вздыхая на каждом шаге, кухарка исчезла на лестнице. Проводив её взглядом, Мартин сказочно преобразился; став вдруг из совершенно статичной фигуры бойким и стремительным, как шварцвальдские «лесные братья», он бросился к серванту, мигом вытащил из кармана дубликат хитрого ключа, отомкнул потемневшие от времени дверки и, энергично выдернув издавшую звонкое «помм» пробку, хищно приник к кособокой пузатой бутылке с киршвассером. Сделав несколько громких аппетитных глотков, Мартин оглянулся на лестницу и, решив понапрасну не рисковать, торопливо захлопнул дверки серванта обратно.

— Ну вот что ты будешь с ним делать! — послышалось с лестницы кудахтанье старой Греты. — Лампе, ну неужели ты думаешь, что меня так легко провести? Разумеется, хозяин и знать ни знает ни о каком портере; и он очень удивился, когда услышал, что у нас ещё есть английское пиво!

— Да он всё забыл, выходит! — делая недоумённо-честные глаза, пробормотал слуга, для убедительности запуская пятерню в растрёпанные патлы на затылке. — Он вечно последнее время что-нибудь забывает! Давеча, вон, утверждал, что уже выплатил мне жалование за месяц, и пока не проверил гроссбук, так и не признал своей неправоты!

— Ладно, убирайся-ка ты отсюда, мне готовить надо. И запомни, Лампе — если ещё раз вздумает шутишь свои шуточки — берегись!

— Да я что, если он всё забывает?

— Гретхен! Гретхен! — раздался вдруг с лестницы тонкий старческий голос.

— Да, герр профессор! — громовым тоном выкрикнула кухарка, словно желая перекрыть своим рёвом бестолковые оправдания отставного солдата.

— Пришли с Лампе хлебных крошек или крупы. Надо покормить моих бедолаг! — прокричал старичок с лестницы.

— Слышал, что приказал герр профессор? — с величавым презрением процедила кухарка, набирая у заскорузлую ладонь горсть пшённой крупы. — На вот, и давай, займись уже делом!

Человек, которого все в доме называли «профессором», невысокий, сухонький старичок с белоснежно-седыми волосами, между тем с грустью наблюдал за воробьями, обсевшими подоконник окна в его кабинет, в предвкушении всегдашнего угощения нагло чирикавшими и скакавшими туда-сюда, сталкивая конкурентов с оконного проёма.

— Эх вы, бедолаг! Всё жалуетесь на жизнь? Ну ничего, ничего... вот вам!

И на засиженный птицами подоконник полетели мелкие жёлтые зёрна.

— Бросили бы вы это дело, сударь, ну честное слово! — укоризненно произнёс Лампе, глядя на свежие птичьи «следы», которые ему теперь придётся убирать.

— Вот как? Не кормить их? — Старичок развернулся вполоборота и остро взглянул Лампе в глаза. — А если бы мне предложили не кормить тебя, Мартин — что бы ты сказал про такого человека?

— Простите, профессор, но у меня есть душа, и сравнения с этими бессловесными тварями для меня очень обидны! — надулся старый солдат.

— Ну да, ну да, у тебя есть душа... и вкус к хорошим напиткам, не правда ли, Мартин! — отческим тоном произнёс профессор, укоризненно глядя на слугу.

— Не понимаю, о чём вы, сударь! — торопливо отвечал Лампе, стараясь более не дышать в сторону хозяина и лихорадочно подыскивая предмет, которым можно было бы перебить эту скользкую тему. — О, а что там внизу? Мне кажется, или кто-то пришёл?

Действительно, колокольчик внизу надрывался вовсю.

— Эй, Гретхен, ты там совсем оглохла! — тут же заорал Мартин, в душе несказанно радуясь так кстати подвернувшемуся поводу для смены темы разговора — Иди да посмотри, кто там явился не свет не заря!

— Не командуй мне тут, старый хрыч! — донёсся снизу могучий глас кухарки. — Руки у меня сейчас грязные, не могу отворить! Иди, да сам открой!

Пока они препирались, колокольчик замолчал. А затем случилось нечто ужасное: вместо звонка внизу загремели гулкие удары в прочную дубовую дверь. Нет, это не была чья-то трость или деревянный башмак; кто-то явно от души лупил в дверь прикладом тяжёлого русского ружья...

И обитатели дома 3 по улице Принцессинштрассе обмерли.

Нельзя сказать, чтобы русская оккупация принесла в Кенигсберг страдания или даже неудобства. Скорее, наоборот: в городе стало больше денег, возродилась светская жизнь. Торговцы, разбогатевшие на поставках русской армии, давали большие балы, и сонный Кенигсберг вдруг стал оживлённым местом. Прусские чиновники продолжали делать то же, что и раньше; и все они получали то же самое жалованье. Русские армейские офицеры особенно любили университет: они ходили на лекции, а преподавателей приглашали на официальные приемы и балы, на которые их раньше не допускали, рассказывая, к немалому удивлению немцев, что в России теперь царит настоящее умопомешательство на науках и разного рода искусствах, особенно в области механики и химии. В новогодние и рождественские торжества русскими

офицерами из корпуса связи были продемонстрированы электрические чудеса — ярчайший, как блеск молнии, электрический свет, подрыв электроискрой небольшого заряда пороха, и очень симпатичный фейерверк.

В предыдущей моей жизни мне, увы, не довелось посетить Калининград, поэтому увиденное встреча с Кенигсбергом во многом оказалось для меня неожиданностью. Я всегда считал его не самым значительным, даже, можно сказать, заштатным городком; однако столица Восточной Пруссии, оказалась одним из крупнейших городов в Европе, имея в окружности около пятнадцати верст! При этом в нём имелось всего лишь 4 тысячи домов и около 40 000 жителей — удивительно мало, если смотреть по величине города. Так рухнул другой мной стереотип: я ожидал увидеть здесь типичный средневековый город с узкими улицами, уютящийся за крепостной стеной; а оказалось, что это практически «город-сад» Кампанеллы. Широкие улицы окаймляли прекрасно выстроенные, аккуратные дома, но нигде не было таких огромных, как в Москве или в Петербурге; всё вокруг было очень... умеренно, что ли.

Прежде всего мне показали здешний огромный Кафедральный собор, с витражами и богатым убранством. В Калининграде я, в лучшем случае, мог бы полюбоваться новоделом: собор полностью выгорел во время войны. В старинном Кенигсбергском замке, построенном на возвышении нам показали цейхгауз и библиотеку, в которой имелось немало древних фолиантов, сплошь окованных серебром. Интересно, что одним из помещений замка является так называемая Московская зала, длиною во 166 шагов, а шириною в 30, с высоким сводчатым потолком, где выставлен старинный осьмиугольный стол, ценою, как говорят, в 40 000 талеров. Из-за чего эта зала называется Московской, я так и не понял; один из прусских чиновников, сконфузясь, сказал, будто бы тут некогда содержали русских пленников; но это мне показалось очень странной и недостоверной версией.

Этот замок, называемый ещё «Королевским», был виден со всех сторон города: его главная башня возвышалась над землёй на добрых сорок сажен, выполняя роль этакого средневекового небоскрёба. Конечно, я не утерпел, чтобы не залезть на самый верх, и, не без труда поднявшись по очень узкой винтовой лестнице, смог насладиться открывшемся пейзажем ост-роверхих крыш, видневшихся вдалеке дубрав, и глади залива. Неторопливо спускаясь назад, я невольно задумался об иронии собственной судьбы: ведь, побывая я в Калининграде в 21-м веке, от этого великолепного замка я увидел бы лишь развалины подземных казематов... Определённо, в ретро-туризме есть своя привлекательность — трансферт организован «не очень», но зато какие экспонаты!

Приезд мой в «колыбель прусского милитаризма» был вызван несколькими обстоятельствами. Во-первых, конечно, я приехал сюда ради Суворова, и видимо, не зря — Александр Васильевич уже поправлялся после операции и даже шутил над своей одноногостью. Во-вторых, надо было провести переговоры о будущем Пруссии, и глядя на вещи шире — о будущем Германии. Международное положение этому как нельзя более благоприятствовало; Австрия вновь зарубилась с Францией, и теперь буквально умоляла меня не уступать в войну на стороне Директории; Пруссия усилиями Суворова, Бонапарта, сотен и тысяч наших офицеров и солдат была повержена в прах, и обречена была принять любые наши условия; несостоявшаяся Владычица морей, потеряв на Балтике 35 линейных кораблей, находилась в прострации; английские газеты гадали, когда и где русские высадят стотысячную армию, и кому я доверю ей командовать: «обезьяне в мундире» Суворову или «корсиканскому монстру» Бонапарту. Вся Европа гадала о следующих моих шагах, и стоило к военному наступлению присовокупить дипломатическое.

К сожалению, эта поездка здорово нарушила мои внутрисполитические планы. Как я уже говорил, в 1800 году собирался посетить Урал. Этот регион развивался семимильными шагами, — металлургия, золотодобыча, месторождения изумрудов, платины, медных руд, и многое-многое другое! Конечно, поездка туда была насущной необходимостью, причём я хотел

не просто «смотреть туда- обратно», а провести серию совещаний с местными чиновниками, переговорить с сибирскими губернаторами, которым, понятное дело, проще приехать в Екатеринбург, чем в Петербург, ознакомиться с промышленностью, дорожным строительством, посмотреть места, где уже в ближайшем будущем пролягут железные дороги и мосты... И вот, пожалуйста — вместо Востока я еду на Запад! Чёрт бы побрал этих немцев и англичан; все планы идут насмарку!

Но было одно обстоятельство, которое в значительной степени мирило меня с необходимостью появления в Кенигсберге. И это обстоятельство имело имя и фамилию: Иммануил Кант.

Когда я учился в университете, наш профессор-философ шутил, что нет ничего более бесполезного, чем немецкая классическая философия. Это, конечно же, правда, но правда по меркам начала 21 века; а в конце века восемнадцатого к философии относились с пиететом. И этот древний субтильный старичок (к 1800 году Канту было уже семьдесят пять или семьдесят шесть лет — более чем почтенный возраст, особенно по меркам этого времени) наряду с Вольтером и Дидро был настоящим властителем дум значительной части европейских интеллектуалов. А меня он интересовал как некое живое «окно Овертона», через которое я могу вбросить в европейский сортир пачку дрожжей в европейское общественное мнение некоторые интересные и выгодные идеи.

И вот, преодолев добрых две тысячи вёрст, я оказался здесь, на Принцессенштрассе, рядом со скромным двухэтажным домиком великого философа. Так, а что они там делают? Оооо, чёёёррттт!

— Эй, вы! Ротмистр! Перестаньте немедленно! — завопил я, увидя, что сопровождавшие нас драгуны стали совершенно немилосердно колотить в дверь философа прикладами. — Вы с ума сошли? Тут хозяин — почтенный старик; а ну как если он от страха окочурится? Что напишут в Лондоне — что русские казнили Иммануила Канта? Вы этого, *****, хотите?

Моё увещевание подействовало, и грохот прикладов затих. Вскоре дверь отворилась, и пожилой слуга, подобострастно кланяясь, пропустил нас внутрь.

Итак, через дверь с Принцессинштрассе мы попадали в прихожую. Домик Канта оказался довольно-таки маленький, и мебели внутри было не много. Все просто, как и положено настоящему философу (ну, кроме последователей Эпикура, разумеется.). Кстати, минуя слугу, я почувствовал явственный запах вишнёвого ликёра, так что, по меньшей мере один «эпикурец по духу» тут всё-таки имелся.

На нижнем этаже слева от прихожей располагалась лекционная аудитория, напротив прихожей — кухня, справа от нее — комната кухарки. На втором этаже также имелась прихожая, рядом с ней в передней части дома — столовая, направо — гостиная, а за ней со стороны сада — спальня, библиотека и кабинет. В мансарде были три каморки и комната слуги... В лекционной комнате — помещении размером примерно 7 на 5 м были установлены стол и стул для лектора, скамьи и столы для студентов. Так как аудитория не отличалась большими размерами, в ней поставили только два ряда длинных столов, за которыми могли сидеть 16 человек. Остальные студенты размещались на простых скамьях без столов. Также лектора могли слушать и те, кто находился в небольшой прихожей.

имелся камин. В темные зимние месяцы зал освещался свечами. Они дымили, и серый налет от них оседал на стенах, окрашенных белой известью. Из открытой кухни доносился запах еды и мяуканье кота, придавая этому жилищу философа совершенно неакадемическую атмосферу.

Хозяин оказался маленький, худенький старичок, весь отменно седой и очень вежливый. Разумеется, нежданный визит высокопоставленного гостя должен был выбить его из колеи, о чём он, однако, не подал никакого, даже самомалейшего знака.

— Рад видеть вас, господин Кант! Прошу извинить за столь внезапный визит и за те хлопоты, что создали вам мои сопровождающие. Надеюсь, ваша дверь не пострадала — приветствовал я его.

— О, вот не ожидал... Чего только не случается с человеком, который так долго живёт на свете? Не ожидал снова увидеть город под властью русского императора, однако, всё произошло так, будто бы повторяется история моей молодости!

Кант говорил скоро, весьма тихо и невразумительно, да ещё и по-немецки; и потому приходилось мне слушать его с напряжением всех нервов моего не самого острого слуха.

— Надеюсь, вы не испытали никакого неудобства от присутствия наших войск, ни сорок лет назад, ни сейчас! — немного неуклюже изрёк я.

Старик отрицательно покачал головой.

— О нет, разумеется, нет. Тогда, при Старом Фрице, русская оккупация для нас, кенигсбержцев, скорее означала освобождение от старых предрассудков и обычаев. Русские солдаты были дисциплинированы, а офицеры ценили все красивое и хорошие манеры. Резкая разница между знатьё и простолюдинами смягчилась; французская кухня заменила нашу тяжеловесную немецкую в домах состоятельных людей. Русские кавалеры задавали стиль общения, и галантность стала обычным делом! В моду тогда вошло пить пунш. Обеды, балы-маскарады и другие развлечения, почти неизвестные в Кенигсберге ранее из-за неодобрения церковью, стали происходить много чаще прежнего. Многие видели в этом упадок нравов, но я считал, что новый, более свободный и более светский образ жизни, воцарившийся в Кенигсберге, есть предвестник нового времени....

С полчаса говорили мы о разных вещах: о путешествиях, о Китае, об открытии новых земель. Надобно было удивляться его историческим и географическим знаниям, которые, казалось, могли бы одни загроздить всю его память.

Наконец, поболтав о том о сём, я решил перейти к делу.

— Вы знаете, я обратил внимание на последний ваш труд, где затрагиваются вопросы вечного мира и Всемирного государства.** Мысли, высказанные там, показались мне столь близкими, будто их написал я сам! — довольно дерзко заявил я ему.

От такой лестной оценки учёный смешался.

— О, да... А я было думал, что все государи почитают эту работу пустой безделушкой, если не якобинством! — с тонкой улыбкой отвечал мне философ.

Мы от души посмеялись. Дело в том, что в своём трактате «к вечному миру» Кант заявил, что единственно легитимным и разумным считает республиканскую форму правления. Сказать *такое* в 1795 году, когда вся Европа управлялась монархами, а Французская республика казалась исчадием ада, полным якобинских чертей; после всех смертей на гильотине, после якобинского террора, после недавней гибели республиканской Польши — было ну *крайне* смелым поступком.

— Да, герр Кант, мнение насчёт Республики, пожалуй, можно счесть слишком резким. Скажем, недавно павшие Генуэзская или Венецианская республика с их нобилитетом не очень-то отражали мнение простого народа; а Англия, при внешне монархической форме правления, всё же может почитаться республикой — столь сильны в ней власть парламента и авторитет прессы. Ну а бестолковая польская система так и вообще дискредитировали республиканские формы так сильно, как только можно было бы это сделать, даже нарочно. А вот ваша идея Всемирного Государства — она, на мой взгляд, очень плодотворна!

Смешно было видеть, как семидесятилетний философ раскраснелся от гордости, услыша похвалу от высокопоставленной особы двадцати двух лет от роду; всё-таки философское отношение к жизни не всегда возможно даже для столь мудрых людей, как Иммануил Кант!

— Ваше Величество, идеи Всеобщего вечного мира и Всемирного государства — взаимосвязаны — немедленно принялся разъяснять он свой труд. — Постоянный мир возможен

только при одном условии: если удастся создать Всемирное государство. Однако, Всемирное государство не должно выглядеть как единая страна: ведь в этом случае все народы попросту растворятся в нём, и утратят навеки воё очаровательное разнообразие. Нет, Всемирное государство я мыслю не как единую империю, охватывающую весь земной шар, но как конфедерацию: некий конгресс государств, способных решать все спорные вопросы путём переговоров, главное — избегая применения силы! Я вижу вожденный народами Вечный мир как власть законов, которые приняты людьми, а не власть самих людей! Надобно запретить насильственное вмешательство одного государства в политическое устройство и управление другого государства. Это вытекает из принципа суверенитета народа! Поэтому я полагаю, что вечный мир возможен только между республиками и невозможен при монархии, поскольку только управляемые народом республики признают источником власти народный суверенитет, а не «права монархов». Также следует запретить все постоянные армии, заменив их вооружением народа; надо создать международное право, межгосударственные законы, суды, способные разрешить все разногласия между нациями...

Внимательно слушая Канта (это было не так просто, поскольку профессиональный философ то и дело подпускал в свою речь словечки типа «трансцендентально», «предикативно», и прочую малопонятную белиберду, что для меня, и так не очень уверенно владевшего немецким, составляло настоящую муку.) я ловил себя на мысли, что в целом с ним совершенно согласен... Причём именно «в целом»; а вот детали стоило обсудить.

— Герр Кант, — прервал его я — ваше видение желаемого политического устройства современных нам государств очень интересно; особенно ценно обоснование идеи народного суверенитета. Господствующие сейчас монархические представления о том, что государства — это некие поместья государей, якобы имеющих какие-то «права» и на землю, и на подданных, просто смехотворны. На самом деле, власть королей законна до тех пор, пока их подданные признают их своими лидерами. Однако это не значит, что все страны с монархической формой отданы во власть тирании, а все республики — светочи народных прав, прогресса и мира!

— Вы полагаете? — с интересом спросил философ.

— Именно! Скажем, я бы не стал утверждать, что Франция, став республикой, тут же приобрела какое-то особое миролюбие — напротив, она, как вы можете убедиться, очень жёстко вмешивается в дела других народов по всей Европе, используя многочисленную конскрипционную армию для продвижения своих интересов. А Англия? Как применяет она свой многочисленный флот? А ведь это страна почти республиканская, если принять во внимание тот вес, что имеет в ней власть парламента! Так что республики могут быть весьма воинственны, и даже отсутствие постоянной армии им не мешает. А если вспомнить Древнюю Грецию или Рим — так ведь там республики весьма много и часто воевали друг с другом!

— Вынужден с вами согласиться! — несколько сконфужено произнёс философ.

— Я вижу проблему в том, что нет «полицейского». Ведь если обычный человек нарушит закон — его начинают преследовать могущественные структуры: полиция, суд, даже армия и вот его уже влекут в тюрьму, заковывают в колодки и тащат на плаху. А с государством? Кто покарает Англию за морской разбой? Кто накажет Испанию за инквизицию? Францию — за гильотины? Пруссию за её вероломство? Такого полицейского нет! А если они объявятся, то, возможно, вскоре станет завоевателем и тираном. Но стоит создать авторитетный международный орган, способный выступать арбитром для существующих стран, и в то же время наказывать иные державы за нарушения международного права — это серьёзнейшим образом изменит дело. Я читал ваш трактат о Вечном мире, и нашёл там мысли, схожие, хоть не вполне совпадающие, с моими. Полагаю, что этот ваш труд после известной корректировки может быть положен в основу этого нового международного органа. Давайте сделаем это вместе!

— Ваше Величество, но как? — спросил Кант, приход во всё большее изумление.

— В соавторстве. Я и вы напишем единую книгу, посвящённую этому предмету!

Разумеется, старик был просто сражён такой перспективой. Вот представьте себе: вы профессор философии в некоем университете. Читаете лекции, пишете потихоньку трактаты. Ваши политические идеи более-менее пользуются успехом среди студентов и коллег, но совершенно не принимаются настоящими политиками. Вы и сами понимаете всю их утопичность и смехотворность, и надеетесь лишь, что когда-нибудь, в далёком-предалёком будущем, хоть кто-то вспомнит ваши идеи добрым словом, посетовав на несвоевременность их появления и косность людей, окружавших непризнанного гения. И вдруг откуда-то издалека является некий величественный и властный правитель, что сходу предлагает вам внедрить самые смелые ваши мечты в политическую реальность, и даже собирается создать в соавторстве с вами философско-политический труд. Обалдеть просто!

— И каковы же ваши идеи? — наконец, осторожно спросил Кант, имея при этом вид человека, слишком долго прожившего на этом свете, чтобы торопиться очаровываться.

Я уселся поудобнее и приготовился излагать свои мысли.

Вообще, размышления о некоем местном эквиваленте ООН приходили мне в голову уже давно. Мощная и авторитетная международная организация могла бы стабилизировать мир, удержав его от множества войн и прочих неприятностей. Но, раздумывая над этим, я пришёл к выводу, что ООН — это всё-таки слишком слабая структура. Необходимо более весомое объединение, обладающее своей территорией, собственными, не зависящими от государств-членов доходами, бюджетом, армией, гражданством и многими другими государственными атрибутами; в то же время по сути своей это должна быть международная организация, предназначенная служить арбитром во всех мировых спорах, высшей судебной инстанцией, а если надо — и мировым полицейским. .

Поэтому я изложил Канту своё видение этого образования следующим образом:

— Представьте себе государство, одновременно обладающее и своей волей, и выступающее в форме конгресса других наций! Некое всемирное объединение, представляющее все народы, на основах справедливости и права; миролюбивое, но имеющее силу и способность доносить свои веления до самых дерзких и необузданных завоевателей. Ну, то есть, нечто подобное бывшему Мальтийскому ордену, но имеющее целью не борьбу с сарацинами, а установление всеобщего мира и процветания. Как вы находите такую идею?

Глаза престарелого философа зажглись.

— Признаюсь, я давно уже размышляю над таким устройством нашего мира, которое позволило бы избегать войн. Сначала я верил в благотворность единого мирового государства, некоей всемирной республики. Но, увы, Ваше Величество, исторический опыт человечества говорит о том, что существующие государства, а особенно — их властные элиты, не дадут возможности для построения мировой республики правовым образом.

Тут я с готовностью кивнул — идею создания единой всемирной империи я и сам считал очень вредной.

— Поэтому — тихим голосом продолжал философ — я пришёл к мысли рассматривать глобальную федерацию как правовой союз разных республик, что совершенно допустимо и для человечества как такового, и для граждан отдельных республик, и для руководителей существующих государств!

— Я совершенно с вами согласен! — радостно подхватил я. — Нет, единого всемирного государства мы не создадим: ведь все существующие правительства будут против этой затеи. Кроме того, надежда избавиться таким образом от войн совершенно несостоятельна — мы просто добьёмся того, что все войны станут гражданскими. Поэтому, имеющиеся государства непременно останутся, как они есть, за небольшими изъятиями. Однако, будет создано еще одно государство, примерно такого типа, как сейчас — Папская область. У него будет своя территория, сравнительно небольшая, состоящая из участков, переданных ему существующими

правительствами. На этой территории будут жить граждане Всемирного государства; у него будут своя армия и флот.

Полагаю, что природа человеческого разума предпочитающего мирное устройство, основанное на верховенстве справедливых законов и права, возобладает над разрушительными началами агрессии и алчности, и «мировая федерация» как правовой гражданский союз народов займёт достойное место верховного органа, надзирающего за соблюдением прав человека и верным соотношением интересов наций.

Мы с философом ещё долго обсуждали эту идею, и так заговорились, что и не заметили, как настало время обеда. Пожилой слуга, заглянувши в кабинет, деликатно кашлянул и спросил:

— Не изволят ли господа отобедать?

— Право, не откажусь! — благодушно ответил я, страшно довольный ходом нашей с Кантом беседы.

Слуга исчез, а через некоторое время нас позвали за стол.

Обед философа оказался довольно скуден: капуста, картофель, балтийская салака. В тоске приглядываясь, чем же мне утолить молодой аппетит, я окинул взглядом буфет, и тут моё внимание привлекли запечённые, размерами напоминавшие перепелов птицы.

— А подайте-ка мне вот это... Да, спасибо. Это дичь?

Иммануил Кант вдруг смешался и даже покраснел.

— Это...куршские голуби, Ваше Величество!

— Вот как? Замечательно! Ни разу еще не ел голубей... Ну-ка, попробуем!

Однако, испробовав голубятину, я остался крайне разочарован. Сухое, жёсткое, почему-то пахнущее рыбой мясо оказалось совершенно неаппетитно. Тем не менее, с горем пополам мне удалось насытиться.

Поблагодарив хозяина за обед, я откланялся, пообещав прислать письменные разъяснения по своему видению основных черт Союза Наций (такое название я решил дать новому ООН).

На выходе меня встретил адъютант Баркляя, Андрей Сергеевич Кайсаров. Заметно смущаясь, он вдруг задал мне вопрос:

— Простите, Ваше Величество..., но известно ли Вашему Величеству, что Ваше Величество ели сейчас ворону?

От неожиданности я чуть не поперхнулся.

— Что? ВОРОНУ? Что за ерунда?

— Да, куршскими голубями здесь называют ворон!

Гм. Ну, если они это едят и до сих пор живы — наверное, это не так уж опасно. Но вообще следует усилить мою охрану и с этой стороны. А то — сегодня ворона, завтра — змея, послезавтра — мышьяк... лучше поостеречься!

* — немецкий эквивалент поговорки «стреляного воробья на мякине не проведёшь».

** — «К вечному миру» — трактат Канта 1795 года.

Бывший подполковник ГРУ, очутившись после смерти в теле 12-летнего Павла Судоплатова, заручился поддержкой Сталина и в полной мере использует свой опыт диверсионной войны в тылу противника, независимо от того, кто он и какой национальности. Начался 1920 год и позади разгром штаба Врангеля. Что же ждет нашего ГГ впереди? <https://author.today/work/406512>

Глава 7

— О, господи!

Франсуаза Жерар, супруга почтенного лавочника с рю де Бак, в отчаянии всплеснула руками.

— Мари, ты только посмотри, какая грязь кругом! И как нам это обходить?

Невысокая женщина средних лет, которую её подруга назвала Мари, задумчиво оглянулась сначала на огромную лужу, перегородившую им путь к «Чреву Парижа», а затем на дощатый забор, ограждавший какую-то стройку и столь некстати перекрывший им путь на возвышенное место, где они могли бы обогнуть эту досадную вымоину.

— Полагаю, моя дорогая, что муниципалитет мог бы лучше следить за улицами города! — ответила она. — Франсуаз, а не знаешь, что здесь такое вообще происходит?!

— Ты про это? — и мадам Жерар с презрением махнула омбреллой в сторону злополучного забора, за которым возвышался чугунный каркас какого-то циклопического, занимающего целый квартал сооружения. — Да это как раз то, о чём последних три месяца все только в Париже и говорят! Тут строится этот странный магазин, который будет продавать всё на свете — и ковры, и ткани, и бижутерию, и галантерею, и...

— Хватит, хватит... Я всё поняла! Здесь строят этот пресловутый магазин «Русский дом»! — догадалась Мари, увидев над забором фирменный знак: два вставших на дыбы медведя, держащие серо-голубой шит с изображённой на нём короной.

— ... и даже продукты разного рода; мясная и винная лавки, кондитерская, оптика, отделение банка.... — продолжала меж тем тараторить Франсуаз, которую и в более простом случае нелегко было остановить, а здесь же был вопрос, задевавший её за живое. — ну скажи на милость, как это возможно, что в одном магазине продаётся решительно всё? Это же ни на что не похоже! Ерунда какая-то, ведь правда?

Муж Франсуаз держал поблизости лавку, где торговал тканями. Супруги уже неоднократно обсуждали, что нового принесёт им громада русского магазина, возводимого так близко, что они могли видеть его уродливый скелет прямо из окон своего дома, и каждый раз приходили к согласию в одной мысли — ничего хорошего!

Вопрос этот для мадам Жерар был настолько животрепещущ и остёр, что она даже не услышала грохота колёс подъезжавшей к ним кареты.

— Ой! — вдруг воскликнула Франсуаз, когда её окатило из лужи. — Да чёрт бы тебя побрал! Ты что думаешь, нацепил графский герб, и можешь теперь разъезжать тут?

На самом деле, Жерары были завзятые монархисты; но не в случае, когда карета с горделивым графским гербом на дверце окатывает тебя грязью!

Юбке Мари тоже досталось; и пока она с досадой рассматривала свежие пятна, дверь кареты распахнулась, и из неё выглянул молодой мужчина просто сказочной красоты.

Бегло оглядев чехостившую его на чём свет стоит Франсуз, он сквозь зубы пробормотал слова извинения и затем уставился на Мари. Удивительно, но его выразительные серые глаза при виде этой немолодой скромной женщины вдруг зажглись радостью!

— Вы — Анна-Мария Гросхольц, не так ли? — с лёгким акцентом произнёс он. — А я давно уже вас искал!

Мари застыла в изумлении. Похоже, незнакомец знал её!

— Садитесь в карету, мадам, нам надо с вами потолковать! — экспансивно воскликнул юноша и что-то произнёс на незнакомом языке двум стоявшим на закорках гренадёрского роста лакеям. Те, проворно соскочив прямо в грязь, немедленно и без церемоний подхватили маленькую Мари на руки и вместе с её большой корзиной втащили в карету.

— Трогай! — крикнул молодой граф и захлопнул дверь.

Мари, изумлённая такой бесцеремонностью, поначалу потеряла дар речи; но тотчас опомнившись, замолотила по дверке кулачком.

— Выпустите меня! Это произвол! Что вы себе позволяете?

— Не беспокойтесь, сударыня! С вами всё будет в порядке, уверяю! — остановил ее незнакомец, и акцент в его речи стал много заметнее. — С вами просто поговорят на интересующую вас тему. Тут недалеко; вот мы уже и приехали. Прошу!

Дверь кареты снова отворилась, и Мари оказалась на крыльце обычного дома на Рю Сен-Бернар; точно такого же, как сотни других домов в Париже. Кучер тронул, и карета, на которой они прибыли, отъехала в подворотню; только тут Мари заметила, что колёса её обтянуты гуттаперчевой резиной — очень дорогим, доступным далеко не всем богачам Парижа материалом.

— Прошу вас сюда. сударыня... Да, сюда. Вы подождёте немного, не так ли? О, как я рад, что встретил вас здесь... Это такая удача, мадам! — любезнейшим тоном произнёс молодой человек и, рассыпаясь в тысяче извинений, скрылся за дверью кабинета.

Мари осталась в прихожей — тесной комнатке с банкеткой и столом. Всё ещё в недоумении, она подошла ко входной двери с очевидным намерением покинуть это странное место, куда ее привезли практически насильно; но дверь неожиданно оказалась заперта снаружи.

«Боже! Неужели она позволила заманить себя в ловушку? Но что нужно этим иностранным господам? Они что, хотят посягнуть на её честь?»

Несколько минут Мари с волнением рассматривала такой сценарий, но затем его отвергла. Увы, она нисколько не заблуждалась в отношении своей внешности: невысокая, с дурной фигурой, чрезмерно большим, крючковатым носом, сильно выдающимся на узком, маловыразительном лице.

«А тот господин, с которым я ехала в карете, — настоящий красавчик. Определённо, при известной ловкости он может соблазнить любую девушку на улице и почти любую даму — в гостиных и салонах Парижа. Зачем ему такая дурнушка, как я?»

Мари вновь подошла к входной двери, подёрнула ее — увы, она действительно была закрыта, хотя никакого засова снаружи, конечно же, не было. Всему виной был хитрый замок с подпружиненной защёлкой, перекрывший ей путь на улицу.

Отойдя от двери, несчастная женщина опустилась на банкетку возле изящного столика на гнутых ножках и, подперев голову руками, горько задумалась о своей злой доле.

«Высшее существо, ну почему мне всегда выпадают такие испытания? Чем я провинилась перед тобой?»

Мари было за что сетовать на судьбу. Она никогда не видела своего отца — он погиб в Семилетней войне незадолго до рождения Мари; её мать, потеряв кормильца семьи, вынуждена была работать экономкой. Не успев ещё толком вырасти, Мари познала тяжесть труда; а потом на площадях загремела Карманьола, закружились в бесовских танцах толпы санкюлотов с пиками, на которых были насажены головы благородных людей, и всё стало совсем плохо. Увы, революция безжалостно прошла коваными сапогами по её семье. Совсем молодой девушкой Мари оказалась сначала в Тампле, а затем и в Консьержери, откуда, как говорят, выход был только один — на гильотину. Спасло ее лишь случайность... и собственный талант: её приговорили к смерти и не казнили только потому, что после смерти Марата заставили сделать посмертную маску и самого революционера, и его убийцы — несчастной Шарлотты Корде, с головой которой пришлось работать, когда она уже была отделена от тела. После Термидора её освободили. Казалось, ей наконец-то стала улыбаться удача: она получила небольшое наследство, благодаря чему смогла выйти замуж. Увы, но её муж оказался безвольным человеком: вскоре он стал злоупотреблять алкоголем и проигрывать в карты почти всё, что Мари зарабатывала своими руками.

И вот теперь ей сорок лет, один ребёнок — двухголовалый малыш Жозеф — сейчас ждёт ее дома, а другой ребёнок находится в чреве; её муж непригоден решительно ни на что (а кого

бы ещё она себе нашла, с такой-то внешностью и репутацией?), а прямо сейчас она сидит и ждёт своей участи, запертая в приёмной каких-то надменных иностранцев. И за что ей всё это?

Впрочем, как утверждают господа философы, Господь Бог, или, как его теперь называют во Франции, «Высшее существо» — совершенно равнодушен к страданиям своих созданий...

Но женщина была не из тех, что долго предаётся пустому унынию. Нет, Мари была из породы тех лягушек, что взбивают лапками масло и спасают себя из горшка (ну, или тонут в нём уставшими) — швейцарская кровь ее предприимчивых предков взывала к действию.

«Может быть, мне стоит позвать на помощь?» — пришла ей в голову мысль.

Мари с сомнением посмотрела на оконце, закрытое толстым, мутным стеклом и защищенное к тому же кованой железной решёткой, красивыми мелкими ромбиками разбивавшее робко проникавший в неё солнечный свет. Пожалуй, если разбить его, то она сможет докричаться до прохожих! Только вот чем можно расколотить такое толстенное стекло?

С надеждою оглядевшись по сторонам, женщина не нашла ничего подходящего. Разве что банкетка, на которой она сейчас сидит?

Поднявшись, Мари наклонилась, не без труда подняла изящное изделие и мелкими шагами приблизилась к окну. Увы, мебель была одновременно и тяжелым, и неудобным средством для взлома окна; но выбирать не приходилось.

«Ну же, решайся» — сказала себе женщина и, выставив банкетку перед собой, слегка разбежавшись, врезалась в толстое стекло прихожей комнаты.

— Бамм! — раздался резкий, дребезжащий звук; но окно осталось невредимо — на нём не появилось даже трещинки; зато низ живота отозвался вдруг тяжёлой, режущей болью...

«Оооо... Господи боже, не хватало ещё потерять ребёнка! — пришла ей запоздалая мысль. Я и забыла, что такие эскапады в моём положении непозволительны!»

Немедленно возвратив банкетку на место, Мари тяжело опустилась на неё, и уже готова была разрыдаться, как вдруг внутренняя дверь распахнулась, и в проёме появился прежний красивый господин.

— У вас всё хорошо, мадам? — холодно, но вежливо спросил он.

— Да, сударь, — рассеянно отвечала Мари, прислушиваясь в это время к себе. Тянувшая боль постепенно уходила... кажется, пронесло.

— Простите за ожидание — продолжал между тем незнакомец — просто мне пришлось вызвать специалиста, который будет с вами разговаривать, а для его прибытия требуется известное время.

Прошло несколько минут, и действительно: входная дверь отворилась, и на пороге появился крупный, грузный господин с рябым от оспы лицом. Войдя, он внимательно оглядел женщину и на отличном французском спросил:

— Вы — Мари Гросхольц, не так ли?

— Да, это я — женщина не стала ни отпираться, ни поправлять его. Раз эти люди знают ее под ее девичьей фамилией — пусть будет так!

— Я граф Аркадио Морков, — представился господин, вежливо приподнимая новомодную круглую шляпу. — Прошу вас пройти в кабинет!

Граф распахнул перед Мари дверь и любезно пропустил её в прекрасно обставленную, громадную залу с панелями из морёного дуба на стенах. Расположившись в вольтеровском кресле, граф предложил Мари место на стульях у стены и, только усевшись, тут же нетерпеливо начал разговор:

— Вы владеете экспозицией анатомически верных фигур и скульптурной мастерской на рю де Палас?

— Да, это так.

— Вы сделали скульптурные портреты Вольтера, Жан-Жака Руссо, Бенджамина Франклина и членов королевской семьи?

Мари, вздохнув, опустила голову. Когда-то её отношения с членами королевской семьи были настолько хороши, что её даже пригласили переселиться на время в Версаль, где она больше года преподавала искусство принцессе Елизавете Французской, сестре недавно почившего короля Людовика XVI. Именно из-за этой близости к монаршим особам она и оказалась на грани гибели во время Революции...

— Всё это так, месье, — наконец тихо произнесла она.

— И вас едва не казнили! Интересно, о чём вы думали, когда потом делали посмертный бюст Робеспьера, чуть не отправившего вас на свидание с «барашком»? *

— Я думала, что выжила. А он — нет! — твёрдо ответила Мари, поднимая голову.

Допрашивавший её господин тут же расплылся в улыбке.

— Прекрасный ответ, Богом клянусь! Похоже, вы очень целеустремлённая особа, не так ли?

— В этом мире очень трудно выжить, если не знаешь, куда ты идёшь и чего желаешь! — с достоинства ответила Мари. Уже с началом разговора она немного осмелела — сразу стало понятно, что ни убивать, ни насиловать, ни обижать каким-то иным образом её тут не будут; ну а когда речь зашла про её профессиональные навыки, тут она совсем воспряла духом. Уж что-то, а скульптуру она делать умела, и готова была бы поспорить за первенство с кем угодно. Да хоть бы с самим Фидием!

— Прекрасно, прекрасно! — продолжал веселиться рябой господин. — Вы, как я посмотрю — дама во вкусе нашего императора! Он без ума от умных женщин. Представляете, послал меня в Париж за какой-то мадам де Сталь. Я уж грешным делом подумал — наверняка красotka, каких поискать. Оказалась — крокодил крокодилом; но зато умна как чёрт и трещит как сойка, не закрывая рот... Вот теперь я и думаю, посылать её в Петербург или обождать; ведь мой государь любит умных, а не болтливых...

— Так вы желаете заказать скульптуру этой мадам де Сталь, чтобы отослать ее вашему императору? — догадалась Мари. Разговоры о столь высокопоставленной особе как русский император ее совершенно не смущали: ведь она была лично знакома с королём Франции! — Извольте, я с удовольствием возьмусь за такой почётный заказ!

— Нет, совсем нет! — делая серьёзное лицо, отвечал месье Аркади. — Зачем ему скульптура? Её внешность ему неинтересна. Нет, дело совсем в другом!

Усевшись поудобнее на своем кресле, он закинул ногу на ногу, переставил на другую сторону трость и продолжал:

— Как вы, возможно, уже слышаны, в Париже в ближайшее время открывается новый магазин, принадлежащий обществу «Русский дом»...

— Да, и не далее как сегодня утром я имела честь замарать свои юбки о непролазную грязь, сопровождающую это строительство! — полушутя, полусерьёзно отвечала Мари. Поняв что ничего страшного ей не грозит, она уже совсем освоилась здесь и чувствовала себя теперь совершенно свободно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.